

ЖАК ДЕЛАРИУ

ИСТОРИЯ
ГИТЛЕРА

1933—1945

Жак Деларю
История гестапо

«Центрполиграф»

2004

Деларю Ж.

История гестапо / Ж. Деларю — «Центрполиграф», 2004

Жак Деларю, участник французского Сопротивления, предпринял попытку разобраться в механизме действия организации под названием гестапо. Автор восстановил полную и объективную картину зарождения, становления и функционирования карательной машины как внутри Германии, так и на оккупированных землях. Деларю рисует яркие и запоминающиеся портреты людей, которые, нажимая на рычаги управления этой машины, умели, оставаясь незаметными, быть вездесущими и могущественными.

Содержание

Введение	5
Часть первая	12
Глава 1	12
Глава 2	19
Глава 3	27
Часть вторая	40
Глава 1	40
Глава 2	50
Глава 3	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Жак Деларю

История гестапо

Памяти мужчин, женщин, детей всех рас и всех стран, которые стали жертвами гестапо и нацизма.

Всем тем, кто повсюду в Европе пострадал от их преступлений – телом и душой.

Детям пострадавших, чтобы они не забыли.

Всем людям, которые придадут цену чести, правде, свободе, чтобы они знали и помнили...

Когда я слышу слово «культура» – моя рука тянется к пистолету!
Ганс Йонст (нацистский драматург)

Правда – в разуме.
Аристотель

Введение

Гестапо – эти три слога в течение двенадцати лет заставляли трепетать сначала Германию, а потом всю Европу. Сотни и тысячи людей преследовались агентами организации, носившей это название; миллионы людей мучились и погибали от их рук или по воле их собратьев-эсэсовцев.

Тысячи опубликованных томов на всех земных языках посвящены истории нацизма и Второй мировой войны, но еще не появилось ни одной книги – хотя с момента краха Третьего рейха прошло уже немало лет! – осветившей все детали истории гестапо. А ведь именно гестапо было стержнем, на котором держалось нацистское государство. События этого периода можно понять только при знании внутреннего механизма огромной полицейской машины.

Никогда раньше ни в одной стране подобная организация не обладала такой сложной структурой, не получала такой власти и не достигала столь ужасающего «совершенства» в своей эффективности и жестокости.

Организация, известная как гестапо, останется в памяти людей примером социального инструмента, используемого людьми без нравственных устоев в самых низменных целях. Ее существование показывает нам, что случается, если государство перестает служить народу и полностью оказывается во власти одной клановой группировки. Полномочия и оружие, которыми первоначально наделили гестапо для обеспечения защиты граждан, их прав и их свобод, стали средствами порабощения и уничтожения этих же граждан. С этого момента начинается диктат преступлений, воцаряется грубая сила и приходит конец элементарным человеческим правам.

Циклопический нацистский механизм и люди, приводившие его в движение, в большинстве своем не известны не только широким массам, но и многим историкам, работающим над событиями того периода.

Я хочу «разобрать» этот механизм на составляющие, вытащить на белый свет все ужасные пружины, приводившие его в действие, и показать, как нацистский режим утвердился благодаря именно гестапо, выполнившего роль фундамента, на котором выросло все здание нацистской государственности. Прочтя книгу, можно будет увидеть, как бесчисленные метастазы гестапо и СС проникали в повседневную жизнь общества так далеко и глубоко, что более ни одно действие, слово или мысль не могли остаться незамеченными.

Люди, нажимавшие на рычаги управления этой машины, так же мало известны, как и сам механизм. Я счел необходимым показать их такими, какими они были: со всеми пороками и слабостями, а также положительными качествами. Эти чудовища, в общем, были обыкновенными людьми, не лишенными привлекательности. Их судьбу изменил день, когда гитлеризм подарил им новую «мораль», заместив их собственное восприятие мира полным подчинением нацистским догмам.

Материалы, которые послужили основой для этой книги, делятся на две категории. Я использовал огромное количество не публиковавшихся ранее документов и некоторые уже известные работы.

За период с 1945-го по 1954 год у меня набралось значительное количество моих записей о процессах, возбужденных во Франции над гестаповскими агентами, их руководителями и военными преступниками, которые предстали перед французским трибуналом.

Тогда же я получил возможность лично познакомиться со многими руководителями немецких полицейских служб во Франции и понял, что они были людьми бесхарактерными, аморальными, неспособными отличить хорошее от плохого и умеющими лишь подчиняться приказу.

Большинство из них не страдали угрызениями совести и казались неспособными оценить свои действия. Судебные процессы, организованные для того, чтобы наказать их за совершенные преступления, воспринимались ими как акт мести победителя по отношению к побежденному. Только с этой точки зрения они принимали свою судьбу: ведь они действовали точно так же. Самые хитрые из них пытались выторговать свою жизнь за тайные сведения, которыми обладали, либо предложить свои услуги победителям. Так, Мазюи, один из самых известных палачей «вспомогательных» команд гестапо, на долгие месяцы заключенный в тюрьму Френ, строил проекты по созданию в Испании завода детских игрушек, будучи полностью уверен в своем скором освобождении.

Благодаря этим близким «знакомствам» я смог сделать портреты гестаповских агентов, орудовавших во Франции.

Используя их заявления и воспоминания, я восстановил структуру организации гестапо и этапы ее внедрения во Франции, а также подоплеку некоторых событий, о которых до сих пор было очень мало известно. Материалы процессов по делу коллаборационистов, возбужденных в Верховном суде Франции и военных трибуналах, также явились для меня источником ценных сведений. Самыми полезными из печатных источников стали в первую очередь двадцать три тома протоколов заседаний Международного военного трибунала в Нюрнберге и семнадцать томов приложений к ним. Мною были использованы работы, изданные французским правительством. Материалы об административной структуре нацистских организаций и их полномочиях я почерпнул из источников, изданных нацистской партией или государственными учреждениями времен Третьего рейха. Многие биографические данные были взяты оттуда же.

Во время моих исследований, продолжавшихся около десяти лет, я имел возможность получить бесценную помощь, без которой не смог бы довести это дело до конца.

Я прошу людей, помогавших мне, принять мою искреннюю благодарность. Хочу поблагодарить мадемуазель Лисбонн, библиотекаря министерства внутренних дел, за нескончаемую доброжелательность; месье Шальре, прокурора республики, любезно предоставившего мне свою библиотеку; месье Дюран-Бартэса, архивариуса министерства юстиции; мадемуазель Адлер-Бресс, архивариуса Библиотеки материалов по новейшей истории; месье Жозефа Биллига и весь персонал Центра документации по истории еврейского народа, чьи архивы предоставили мне ценнейшие сведения; месье Мишеля и Комитет по истории Второй мировой войны; мадемуазель Фрессинь, архивариуса по немецкой документации Исторических архивов министерства обороны.

Прежде чем начать рассказ об истории гестапо, необходимо восстановить в памяти события, происходившие с 1919-го по 1933 год и демонстрирующие восхождение нацистов к власти. Ведь гестапо и нацизм тесно взаимосвязаны по своей сути и нельзя отделять их друг от друга.

Это небольшое напоминание очертит несколько определяющих моментов.

Рождению нацизма способствовала общая ситуация, сложившаяся в стране после поражения в войне. Когда в ноябре 1918 года Германия вынуждена была признать себя побежденной, армия отказалась принять это унижительное положение, которое считала незаслуженным. Руководящий состав имперской немецкой армии, управляемый кастовым прусским офицерством, культивировал милитаристское мировоззрение, которое со временем гипертрофировалось до абсурда. Считая себя единственными хозяевами Германии и колониальных народов, они не могли принять мысль о своей капитуляции. Они начали распространять версию о том, что их армия не проиграла, а пала жертвой предательства. Так родилась легенда об «ударе ножом в спину». Они не говорили о том, что в ноябре 1918 года немецкие войска располагали 184 дивизиями на передовых позициях, имея не более 17 в резерве, из которых только 2 дивизии были свежими и боеспособными; войска союзников тогда составляли 205 дивизий, в резерве у них было 103 дивизии, из которых свежими являлись 60, и это количество постоянно увеличивалось за счет американских подкреплений. В октябре был прорван Дунайский фронт, Австрия пала 6 ноября, и Германия осталась одна. 3 ноября в Киле взбунтовалась 5-я эскадра океанского флота; 7 ноября разразилось восстание в Мюнхене, свергшее баварского короля Людовика III. 9 ноября в Спа состоялся большой военный совет, констатировавший, что германский военный штаб полностью потерял контроль над ситуацией, и принявший решение просить перемирия. Между тем канцлер подал в отставку, а кайзер сбежал в Голландию. Поэтому трем гражданским лицам – принцу Максу Баденскому, новому канцлеру Эберту и католическому министру Эрцбергу – пришлось унижительно просить о начале переговоров. В этот же день социал-демократ Шейдеман с балкона рейхстага провозгласил республику.

Эта юная республика, рожденная из краха и обломков, очень быстро стала предметом черной ненависти армейских офицеров, которые заговорили о предательстве, потому что не могли примириться с поражением Германии в этой войне.

Германия погрязла в хаос. И знаменитая немецкая дисциплина, так часто приводившаяся в пример демократам, стала тому виной. Из поколения в поколение «покорность трупов» лишала немцев личной инициативы и самостоятельности, делая их зависимыми и легкоуправляемыми. Обрушилась пирамида иерархии, и эти «трупы», которым более не отдавали жесткие приказы, побуждавшие к действию, без сопротивления предоставили себя в распоряжение подстрекателей смуты.

Хаос дополняли безработица и нищета. Для восстановления порядка пришлось прибегнуть к помощи военных, которые организовывались в любопытные формирования: «вольные стрелки» и «боевые группы», не признававшие никаких авторитетов, кроме своего командира. Эти группы подавляли зарождающиеся очаги восстаний, и к тому времени, когда из них сложились кадры новой армии, республика стала полностью от них зависима.

В это же время военные открывают для себя политику и создают подобие службы психологического воздействия, которая организует «курсы гражданской мысли». Одним из создателей этого учреждения был капитан Эрнст Рем.

В начале лета 1919 года эти курсы закончил молодой Адольф Гитлер, получивший там начальные представления о будущей доктрине национал-социализма. О том, что в рождении нацизма определяющую роль сыграли германские военные, было сказано многое. Объединившись с несколькими владельцами крупных промышленных предприятий, они создают или поддерживают группировки, выступающие против демократии, восхваляющие милитаризм, разжигающие антисемитизм, который на тот момент почти перестал существовать.

Республиканское правительство, казалось, не знало об этих движениях, слепо веря в совершенство Веймарской конституции. Обнародованная в августе 1919 года, она на самом деле была не так плоха, однако в ней существовало несколько изъянов, воспользовавшись которыми можно было сокрушить республику.

Очень скоро противники нового режима выяснили, что метод просачивания во все сферы деятельности общества гораздо предпочтительнее, чем прямая атака в лоб. Для того чтобы заручиться поддержкой руководящего состава страны, они изображали горячую приверженность республике. Носке, социал-демократ и министр обороны, без тени улыбки на лице произнес: «Вместе с юной республиканской армией я принес вам мир и свободу». Противники республики собирались в «Геррен-клубе» (Клуб господ), разрабатывали свои доктрины и распространяли их, публикуя в газете барона фон Глейхена под названием «Ринг». «Офицеры рейхсвера, – читаем мы, – после революции научились отличать государство как таковое от той его формы, какую оно приняло. Офицеры желают служить исходному понятию государства – тому, что есть в нем настоящего и неизменного».

Таким образом, как только государство прекращало отвечать политическим настроениям офицерства, оно отказывалось подчиняться ему. Очень быстро ему внушили мысль о том, что оно даже обязано диктовать ему свои законы.

Поучаемые подобным образом, капитан Рем и его приятели подготовили почву для будущих действий посредством создания бесчисленного множества националистических организаций. Эта раздробленность вводила правительство в заблуждение, не поддавалась контролю, позволяла рассредоточить ответственность и возродиться в новой форме в случае репрессий. В нужный момент эти организации можно было легко объединить под единым руководством, несмотря на их кажущуюся распыленность.

В одну из таких групп – Немецкую рабочую партию (НРП), возглавляемую Дрекслером, в сентябре 1919 года вступил Адольф Гитлер. Быстро захватив руководство партией в свои руки, 8 августа 1921 года с помощью капитана Рема он создает национал-социалистическую германскую рабочую партию (НСДАП). Новая партия включила в себя членов партии Дрекслера, Немецкой национал-социалистической партии Юнга и Немецкой социалистической партии Штрейхера, насчитывая вначале всего 68 человек. К ноябрю 1921 года в ней состояло уже 3 тысячи членов. Благодаря интенсивной пропаганде и легенде о предательстве «ноябрьских преступников», которую придумали военные, партия быстро росла. Она не замедлила организовать специальную команду, заставлявшую замолчать несогласных, осмелившихся выступить против, силовыми методами. Эта команда дала начало СА – формированиям штурмовиков.

В ноябре 1922 года в эту партию вступает новобранец капитан Герман Геринг, знаменитый военный пилот и последний командир известной эскадрильи перехвата «Рихтгофен», которому суждено было стать родоначальником гестапо.

Военные были лучшими вербовщиками партии. Они же сформировали команду штурмовиков, из которых Рем создал настоящую армию, превзошедшую числом и мощью рейхсвер и вскоре начавшую угрожать правительству.

Однако их задача не состояла в том, чтобы восстать против армии, которая давала им поддержку, тайно поставляла оружие, новых членов и даже деньги. В апреле 1923 года штурмовики СА овладевают секретными оружейными складами армии, а в сентябре того же года в Мюнхене генерал фон Лоссов отказывается закрыть нацистскую газету «Фёлькишер беобахтер», предпочтя сложить свои полномочия.

Темы, поднимаемые нацистами, находили у военных горячий отклик. Они были аналогичны темам курсов «гражданской мысли»: упразднение парламентаризма, сосредоточение власти в мощном государственном аппарате, управляемом вождем, общающимся с народом на плебисцитах. Конституция стала помехой дальнейшей эволюции. Государство не должно тер-

петь противников режима: оно должно раздавить их. Никакой оппозиционной прессы, никаких партий, кроме одной – представляющей государственные интересы.

Уловка состояла в том, чтобы партия власти воспринималась как отечество, – это был излюбленный метод, к которому часто прибегали армейские круги. А чтобы защитить отечество (то есть партию), все средства хороши.

В такой ситуации отдельная личность не идет в счет, она существует лишь как составляющая коллектива, которому должна пожертвовать все. Отсюда следуют абсолютная дисциплина и полная покорность «вождю». Вот почему за интеллигенцией будут присматривать, и в случае, если ее представители станут «опасными для страны», то есть противниками режима, – безжалостно устранять.

По этому же принципу сюда добавлялись и расистские резоны: ценность чистой крови, то есть крови нордической; превосходство германской расы, «расы господ», и необходимость устанавливать свои законы для представителей низших рас, выродившихся, дегенерировавших национальностей; вредоносность понятий милосердия, жалости, которые не имеют «естественного происхождения». Гитлер писал: «Мы имеем право спокойно преступить грань бесчеловечности, если это принесет благо немецкому народу».

Постепенно НСДАП развивалась и пополнялась новыми членами благодаря широкой пропаганде; но некоторые другие партии также пытались захватить власть. Несколько возникших и подавленных восстаний, таких, как, например, путч майора Бухруккера, побуждают Гитлера решиться на вооруженное восстание. 9 ноября 1923 года в Мюнхене он попытался свергнуть баварское правительство, рассчитывая на цепную реакцию. Его основным сообщником был генерал Людендорф. Однако попытка восстания провалилась, вся акция ограничилась десятиминутной стрельбой, 14 погибшими и 50 ранеными.

Гитлера арестовали, Геринг, шагавший рядом с ним во время перестрелки, был тяжело ранен, но смог сбежать в Австрию. В этой попытке принимал участие еще один человек в качестве знаменосца, несущего знамя имперской войны, – это был Генрих Гиммлер.

Правительство не сумело воспользоваться провалом путча и арестом Гитлера, упустив возможность задавить зачатки нацизма в самом начале.

По окончании скандальной пародии на судебный процесс Людендорф был оправдан, а Гитлер и его четверо основных сообщников были осуждены на пять лет заключения условно, с испытательным сроком в четыре года. Осужденные покинули зал суда под рукоплескания своих друзей и пение национального гимна!

В полдень 20 декабря 1924 года, спустя тринадцать месяцев и двадцать дней заключения, Гитлер вышел из Ландсбергской тюрьмы. Там он понял одну вещь: власть будет принадлежать ему только при условии законных действий, то есть ему следует использовать силу, но лишь обоснованно; преступать закон, но при серьезной и сильной поддержке; играть в демократию, одновременно подрывая ее понятия и идеи изнутри.

Наверное, не следует чересчур углубляться во все детали этого кропотливого саботажа; это может занять чересчур много времени. Нам будет достаточно вспомнить, что партии правых радикалов, как и нацисты, потерпели тяжелое поражение на выборах в ноябре 1924 года, и к началу 1925-го им пришлось начинать все с нуля. С 1924-го по 1932 год партии левых, не переставая, повышали свои результаты и укрепляли позиции на выборах, за восемь лет увеличив число голосов до 3 миллионов 329 тысяч. Однако эти победы были относительными, поскольку в то же время нацисты своей пропагандой сумели привлечь внушительное количество новых членов из молодежи (в 1930 году к ним записалось 3 миллиона человек, имеющих право голоса). Кроме того, они успешно переманили к себе многих избирателей из традиционных правых партий, партий правого центра и даже центра. Все эти честные люди, приверженные традициям, без радикальных понятий, попадались в ловушку из лозунгов, олицетворявших для них то, что они привыкли уважать и ценить, не понимая, какой смысл вложен в

слова нацистов. Эти же честные люди нанесли первый удар республике на февральских выборах 1925 года, выбрав ее президентом престарелого маршала Гинденбурга. Под покровительством маршала, олицетворявшего национальную славу, противники республики смогли занять все ключевые правительственные посты в стране.

Так, притворяясь сторонниками демократии, нацисты и их соратники смогли сокрушить всю систему демократического государства. Частые правительственные кризисы влекли за собой бесчисленные выборы, и большинство граждан стали внимательнее прислушиваться к нацистской пропаганде. А левые партии не смогли объединиться, устранив противоречия между ними, чтобы дать отпор общему противнику, не смогли воспользоваться многочисленными возможностями перехватить инициативу. Что касается соседних стран, в частности недавних победителей – Франции и Англии, чье слово могло оказаться решающим, – их близорукость и непоследовательность были беспредельны не только во время борьбы за власть, но и во время первых лет нацизма.

30 мая 1932 года, когда маршал Гинденбург грубо сместил с поста канцлера Брюнинга и назначил на его место фон Папена, представлявшего интересы «баронов» и рейхсвера, началась заключительная стадия борьбы за власть. Мелкие немецкие буржуа, которые, как о них сказал Томас Манн, «не желали пропадать в пролетарских массах», овациями встретили это назначение. Они считали старого маршала посланным самим провидением, он был представителем верхушки своего класса, и все его решения воспринимались ими как обоснованные.

14 июня, меньше чем через две недели после своего прихода к власти, Папен снял запреты на деятельность штурмовиков и ношение фашистской формы, предусмотрительно наложенные ранее Брюнингом. С этого момента роль Папена стала ясна. Во время собрания национальной Ассоциации бывших немецких офицеров, проходившего в Берлине в начале сентября 1932 года, депутат-националист Эверлинг преспокойно вещал с трибуны, что «канцлер фон Папен энергично избавляется от последних проявлений республиканского правления, чтобы построить рейх на новой основе».

Фон Папен взялся за республиканских чиновников министерств, губернаторов провинций, заменяя их «националистами». Устояло лишь социал-демократическое и католическое правительство Браун-Северинг в Пруссии. Правительственное решение, принятое 20 июля в соответствии со статьей 48 конституции, сместило и его, используя обвинение в «неспособности навести порядок», то есть пресечь постоянные провокации нацистов.

Своими действиями фон Папен расчистил дорогу к власти нацистам, чем они немедленно воспользовались. На июльских выборах 1932 года они заняли 230 мест в рейхстаге, превратившись в самую мощную немецкую партию. 30 августа Геринг был избран президентом рейхстага, и с этого момента полная победа нацистов стала вопросом тактики.

Правые партии и военные, которые были на стороне нацистов, не понимали в полной мере то, что происходило. Полагаясь на традиционные методы решения политических проблем, они не предполагали, что нацисты полностью захватят власть. Эти люди хотели воспользоваться волной, поднятой нацистским движением, чтобы восстановить традиционный уклад жизни и вернуть свои привилегии. В обмен на свою помощь сторонники старого порядка были готовы предоставить нацистам участие в управлении страной, забыв заявление Гитлера: «Там, где есть мы, нет места никому другому». Понадобилось много времени и кровавых событий, чтобы они начали воспринимать эту фразу в буквальном смысле.

В ноябре 1932 года нацисты терпят неудачу на очередных выборах, потеряв 2 миллиона голосов и 34 места в рейхстаге. Как окажется потом, урок не пройдет даром. Папен, подавший в отставку пять дней спустя после выборов, был заменен фон Шлейхером. Но и тому, совершенно затравленному, 28 января пришлось уйти в отставку.

В полдень 30 января Гитлеру, сопровождаемому фон Папеном, предложили сформировать новый кабинет министров. Гинденбург вынужден был передать власть тому, кого раньше презрительно называл «цыганским генералом».

Итак, непоправимое случилось, хотя никто еще не понял, что нацисты победили. Томас Манн, узнав новость, улыбнулся и сказал: «Тем лучше – они не продержатся и восьми месяцев». Точно так же считали французские и английские «эксперты», которые рассматривали национал– социализм как приговоренное к исчезновению явление.

Взяв Гитлера под свое покровительство, Гинденбург думал, что получает какие-то гарантии. Он навязал ему фон Папена на роли вице-канцлера и рейхскомиссара Пруссии, а также фон Бломберга – военным министром. Однако эти «барьеры» очень скоро будут сметены.

1 февраля Гитлер добился от маршала-президента декрета о роспуске рейхстага, четырьмя днями раньше сместив со своего поста фон Шлейхера. Выборы были назначены на 5 марта. С этого момента нацисты твердо решили удерживать власть всеми способами. Германия вступила в самый кровавый период своей истории, и гестапо заняло там ведущее место.

Часть первая

Рождение гестапо

1933–1934 годы

Глава 1

Нацисты становятся хозяевами Германии

30 января 1933 года в кабинете маршала Гинденбурга была predetermined судьба мира на пятнадцать лет вперед. Гитлер только что вступил в должность рейхсканцлера Германии. Фон Папен стал вице-канцлером и рейхскомиссаром Пруссии; бывший штабной офицер, он был доверенным человеком маршала и заместителем графа фон Клакреута, возглавлявшего Немецкую аграрную лигу, которая объединяла крупных землевладельцев Восточной Германии. Назначенный Гинденбургом «наладить связь с партиями для изучения политической обстановки», фон Папен представил ему Гитлера, которого помещики считали единственным, кто способен силовыми методами остановить события, развивающиеся в сторону социализма. Кроме того, фон Папен был близок и к военным.

Новым министром внутренних дел назначают доктора Фрика, бывшего полицейского чиновника из Мюнхена, опытного нациста. Он продержится на своем посту до августа 1940 года. Фон Бломберг становится военным министром; фон Нейрат – министром иностранных дел; Геринг, по-прежнему президент рейхстага, назначен министром без портфеля, руководящим вопросами авиации и деятельностью министерства внутренних дел Пруссии.

Этот министр без портфеля, верный Герман Геринг, член партии с 1922 года, тяжело раненный во время неудавшегося путча 1923 года, сыграет значительную роль в течение первых недель после захвата власти нацистами. Депутат рейхстага с 1928 года, член прусского ландтага, Геринг поддерживал знакомства с высшими полицейскими кругами. Благодаря одному из новых друзей, полицейскому чину Рудольфу Дильсу, он приобрел обширные познания в технике политического сыска.

Вскоре на Германию обрушился террор, проявлявшийся в двух формах. Первая форма, жестокая и кровавая, выражалась в мятежах и уличных боях. Вторая, подпольная и рассредоточенная, проявлялась в незаконных арестах, за которыми часто следовала быстрая расправа в виде расстрела или повешения, осуществляемая в глухом подвале.

Уже к вечеру 30 января 1933 года вооруженные группы нацистов начали нападать на коммунистов, и эти стычки были почти настоящими боями. 31 января Гитлер сделал сообщение по радио и провозгласил свою преданность традиционным принципам. Миссия правительства, говорил он, состояла в «воссоздании единства духа и воли» немецкого народа; он желал поддержать христианство, защитить семью, «одну из составляющих общества и государства». Таким образом, он выступал защитником привычного круга ценностей буржуазии.

Новый глава правительства, проявив уважение к общепринятым ценностям, 1 февраля добился выхода декрета о роспуске рейхстага, в котором Гинденбург отказал фон Шлейхеру. Выборы были назначены на 5 марта – нацисты все еще действовали в рамках закона. Однако, не будучи уверенными в победе на 100 процентов, они помогали ей приблизиться всеми средствами, прежде всего методически устраняя противника. 2 февраля Геринг, как комиссар по внутренним делам, взял на себя управление прусской полицией для ее совершенствования. Республиканские чиновники, заранее внесенные в списки, а также те, кто сохранял нейтралитет, были устранены. Их заменили проверенными нацистами. Многие сотни комиссаров,

инспекторов, простых полицейских подверглись чистке – две трети кадров заменили эсэсовцами и штурмовиками. Из этого нацистского состава, который втискивали в рамки старого административного аппарата, возьмет свои истоки гестапо.

Прусский ландтаг воспротивился этим незаконным мерам, и уже 4 февраля он был упразднен декретом «по защите граждан». В тот же день другим декретом официально разрешили запрещать собрания, «способные нарушить общественный порядок». Это решение позволило препятствовать собраниям левых партий и предоставило полную свободу действий нацистам.

5 февраля члены «Стального шлема» участвуют в торжественном параде в Берлине. Фактически это была легализация штурмовиков до официального признания их властями. Там же прозвучал призыв к объединению националистских партий знаменитого «Гарцбургского фронта». За этим последовала ночь, ознаменованная кровавыми вылазками нацистов, которые громили залы собраний и кафе, посещаемые коммунистами. Столкновения происходили в Бохуме, Бреслау, Лейпциге, Стасфурте, Данциге, Дюссельдорфе; нигде не обошлось без многочисленных раненых и убитых. Власть в этот момент сосредоточилась в руках трех человек – Гитлера, Папена и Гугенберга (министра экономики и пищевой промышленности, короля средств массовой информации и руководителя Немецкой национальной партии).

6 февраля срочный закон «в защиту народа» лишает свободы действий оппозиционные органы печати и средства информации.

Начиная с 9 февраля вступает в действие полицейская машина Геринга. По всей стране прокатывается волна обысков, уделяя особое внимание местам проживания коммунистов и руководителей партий. Объявлялось об обнаружении оружия, боеприпасов и документов, «подтверждающих» подозрения о готовящемся заговоре, в частности поджоге публичных зданий. Аресты и захваты умножаются; штурмовики пытаются и убивают оппозиционеров, фигурирующих в списках, о которых уже давно шли слухи.

Генерал Людендорф, старый друг Гитлера, отступился от своего соратника после событий 1923 года. Он писал Гинденбургу: «Самым официальным способом я предупреждаю Вас, что этот зловещий человек приведет нашу страну в пропасть, а наш народ к невообразимой катастрофе. Уже будучи в могиле, Вы будете проклинаемы Вашими потомками за то, что допустили это». Гинденбург же ограничился тем, что передал эти слова Гитлеру.

20 февраля Геринг издал распоряжение, призывающее полицию использовать оружие против демонстрантов партий, враждебных правительству. В Кайзерслаутерне бывший канцлер Брюнинг организовал собрание католической ассоциации «Пфальц Вахт». Ближе к исходу митинга нацисты, вооруженные дубинками и револьверами, атаковали собравшихся, убив одного человека, тяжело ранив троих и сильно избив остальных. Католическая газета «Германия» возвала к президенту Гинденбургу, однако «старый господин» не счел нужным ответить.

23 февраля министр экономики Вюртемберга, член демократической партии Майер объявил свой протест против попыток лишить провинции их прав. Он призвал жителей Южной Германии объединиться «для защиты республиканского законодательства, защиты своих прав и свобод», опираясь на то, что нацисты не имели большинства ни в одном южном парламенте.

На следующий день Фрик выступил с многозначительным ответом на это заявление. «Рейх, – говорил он, – восторжествует над южными областями, и Гитлер сохранит свое положение у власти, даже если не получит большинства голосов на выборах 5 марта». Если это произойдет, придется объявить чрезвычайное положение, чтобы приостановить действие части конституции, поскольку «преимущество оппозиционных сил может иметь только негативное значение». Несмотря на желание не выпускать из своих рук власть, которая так тяжело досталась им, нацисты беспокоились. Оппозиция представляла реальную угрозу. Ситуация становилась все более напряженной, и ее усугубляли происходящие события: 25 февраля коммунистические боевые группы, в том числе группы из антифашистской лиги, под единым руководством

собрались вместе, чтобы отбить дом имени Карла Либкнехта, захваченный накануне. 26 февраля новое руководство этих групп выступает с призывом к «созданию массового оплота для защиты коммунистической партии и прав рабочего народа», а также «организации массового штурма и масштабной войны против фашистской диктатуры».

Единственным средством, позволяющим нанести удар коммунистической партии, из-за которого она не смогла бы возглавить антифашистский крестовый поход, был внутренний раскол. Нужно было убедить людей в том, что коммунисты хотят организовать заговор или путч; это позволило бы уничтожить партийных руководителей и дискредитировать саму партию перед самыми выборами.

Для нацистов организация махинации широкого размаха не представила большого труда. Берлинская полиция благодаря чисткам Геринга полностью была в их руках. Тридцать тысяч вооруженных вспомогательных отрядов полиции со свастикой на нарукавных повязках были хозяевами улиц Берлина. Партия платила им по три марки в день. Декрет Геринга, датированный 22 февраля, привлек в эти отряды штурмовиков и членов «Стального шлема». Все было готово к предстоящему спектаклю. Третий звонок, возвещающий о начале действий, не замедлил себя ждать. 27 февраля занавес на сцене драматических событий открылся.

27 февраля в 9.15 вечера студент семинарии, возвращавшийся к себе по тротуару площади Кёнигсплац, где возвышалось здание рейхстага, услышал звон разбитого окна. На мостовую посыпались осколки. Студент бросился искать сторожей, охранявших парламент. Тут же был организован обход здания, во время которого заметили силуэт человека, поджигавшего рейхстаг.

В считанные минуты на место прибыли пожарные и полиция. Первая полицейская машина, подъехавшая минуту спустя после пожарных, была под командованием лейтенанта Латеита. Сопровождаемый инспектором Скрановицем и несколькими полицейскими, он быстро осмотрел здание в поисках поджигателя. Все были поражены количеством и распространением очагов возгорания. В зале заседаний их ждала умопомрачительная картина: гигантское пламя поднималось прямо к потолку. Оно было шириной около метра и метров десять в высоту без признаков дыма. Иного очага возгорания в зале не было. Очевидно, это было какое-то легковоспламеняющееся вещество. Полицейские были так поражены увиденным, что достали револьверы и продолжали осмотр здания, не выпуская оружия из рук. Ресторан рейхстага уже превратился в огромный костер. Повсюду полыхали шторы и ковры.

В большом зале Бисмарка, расположенном в южной части здания, они внезапно наткнулись на человека, обнаженного по пояс, залитого потом и с безумным взглядом. Когда ему приказали стоять на месте, он поднял руки вверх и беспрекословно позволил себя обыскать. У него нашли несколько мятых бумаг, нож и голландский паспорт. Скрановиц накинул на него одеяло и отвез в префектуру полиции на Александерплац.

Человек спокойно назвал себя: Маринус ван дер Люббе, голландец, дата рождения 13 января 1909 года, безработный.

Сразу после объявления о пожаре по радио сообщили о том, что «коммунисты подожгли рейхстаг». Несмотря на начавшееся расследование, было понятно, что вину за поджог возложат на коммунистов. В эту ночь начались репрессии. Тотчас были провозглашены «чрезвычайные законы от 28 февраля», принятые «для защиты народа и государства» и подписанные старым маршалом.

Коммунистическая партия пострадала сразу, но социал-демократические газеты тоже запретили. Декреты «общественного спасения» отменили большинство конституционных свобод: свободу печати, право собраний, право на тайну переписки, неприкосновенность жилища и личности. Они поставили немцев в полную зависимость от нацистской полиции, которая теперь могла действовать по своему усмотрению без ограничений, не держа ни перед кем ответа за свои действия. Она производила тайные аресты, без всяких оснований сажала людей

в тюрьмы на продолжительные сроки, не предоставляя обвинений или доказательств вины. Никакие правоохранительные органы не могли противостоять им, тем более потребовать освобождения либо пересмотра дел.

Гестапо сохранил свободу действий до свержения фашистского режима.

В ту же ночь в Берлине начались повальные аресты. «В превентивном порядке» были захвачены четыре с половиной тысячи членов коммунистической партии и оппозиционеров демократических партий. Объединенные общим делом, полиция, эсэсовцы и штурмовики производили обыски, допросы, до отказа заполняли кузова грузовиков подозреваемыми. Проведя первые дни в полицейских застенках или государственных тюрьмах, они в скором времени заполнят первые концентрационные лагеря, о создании которых позаботился Геринг.

В три часа ночи аэродромы, порты и международные вокзалы перешли под строгий контроль, и без специального разрешения покинуть Германию стало невозможно. Удар был нанесен; но все же многие оппозиционеры смогли бежать. В Пруссии насчитывалось 5 тысяч арестованных, а в Рейнской области – около 2 тысяч.

1 марта новый декрет объявлял наказуемым «подстрекательство к вооруженному сопротивлению государству» и «подстрекательство к всеобщей забастовке». Именно всеобщей забастовки боялись нацисты, потому что только она могла стать эффективным средством борьбы разобщенных левых сил. Коммунистическая партия лишилась руководства, социал-демократы были на грани капитуляции, но оставались еще профсоюзы.

В профсоюзы входила огромная масса людей, и они были способны выступить против нацистского движения, парализовав страну всеобщей забастовкой.

В Германии на тот момент существовали три группы профсоюзов: самая мощная – Немецкая всеобщая конфедерация труда, Всеобщая конфедерация независимых трудящихся, включающая в себя 4,5 миллиона человек, и Христианский профсоюз, насчитывающий 1 миллион 250 тысяч членов. Немецкие профсоюзы считались тогда самыми сильными в мире: 85 из 100 трудящихся входили в какой-либо профсоюз. Они не забыли, какую цену они заплатили войне, и были против милитаризма, способного привести к новому военному конфликту и рассчитывать за который снова пришлось бы им.

Эта огромная масса народа, несмотря на свою враждебность новым властям, не сумела воспользоваться возможностью мобилизоваться, что могло бы спасти их и их страну. Как и социал-демократы, они предпочли переждать, работая не покладая рук. Эта пассивность вскоре обернулась против них самих.

Наконец, посреди всех этих беспорядков, настал день выборов. С 30 января немецкий народ существовал в атмосфере бесконечных терактов и всепроникающей пропаганды нацизма, сопровождающей каждый поступок и каждое действие поборников Гитлера.

Во время предвыборной кампании было организовано бесчисленное множество митингов. Гитлер невероятным способом успевал повсюду, передвигаясь из города в город, несколькими сильными фразами поднимая дух у своих последователей, пользуясь своим искусством внушения. Громадный пропагандистский механизм, пущенный в ход Геббельсом, использовал внешние эффекты: демонстрации, скандирование лозунгов, героические шествия со знаменами и плакатами; все это поражало воображение простых людей, сбегавшихся взглянуть на нового мессию. В Германии в то время насчитывалось более 7 миллионов безработных, и каждый третий немецкий рабочий существовал на нищенские социальные пособия.

5 марта вся Германия пришла на выборы. Только 11 процентов воздержались от голосования – гораздо меньший процент по сравнению с предыдущими выборами.

В результате своей активности нацисты набрали 17 164 голоса. Давление, осуществленное на немецкий народ, а также масштабная махинация с поджогом рейхстага не прошли даром.

Вопреки ожидаемому поражению коммунистов, их результаты были гораздо лучше, чем можно было предположить. Несмотря на репрессии со стороны нацистов, аресты, изгнание их партийных руководителей и запрещение их газет, коммунисты собрали 4 миллиона 750 тысяч голосов и сохранили 81 место в рейхстаге. Таким образом, новый рейхстаг состоял теперь из 288 депутатов от национал-социалистов, 188 социалистов, 70 депутатов от центра, 52 немецких социалистов, 28 баварских популистов и представителей прочих групп и 81 коммуниста. Социалисты набрали 7 миллионов голосов. Нацисты, имея 43,9 процента голосов от общей массы, не получили в рейхстаге большинства. Больше всего они боялись, что остальные партии, объединившись против них, предложат им «воздержаться» от заседаний в рейхстаге, как они сами, еще до выборов, поступили в отношении коммунистов (понимая, что, поступив иначе, они обрекут себя на смерть, коммунисты не стали тогда участвовать в заседаниях).

21 марта, в день, когда Бисмарк в 1871 году созвал первый рейхстаг, новый парламент торжественно объявил о первом вступительном заседании.

Первое настоящее заседание состоялось 22 марта в берлинском Тиргартене, в зале «Опера-Кролл». За трибуной были вывешены гигантские полотна со свастикой, коридоры были заполнены штурмовиками и эсэсовцами, нацистские депутаты были одеты в униформу партии – не таясь, новый порядок вступал в свои права.

Устранение коммунистов позволило нацистам располагать 52 процентами голосов. Ни один депутат не высказал протеста против этого беззакония, предоставившего всю власть нацистам. Выбор президиума собрания, производившийся с мест, занял несколько минут. Большинство голосов, не считая социалистов, Геринг был избран председателем рейхстага.

23 марта Гитлер зачитал программную речь, где в замечательно безобидном по форме обращении потребовал предоставления ему чрезвычайных полномочий сроком на четыре года. При этом Гитлер отметил, «что большинство, которым располагает правительство, могло бы избавить его от испрашивания этих мер». Такие полномочия позволяли правительству диктовать законы вне рамок конституции, декреты не нуждались в подписи президента и одобрении рейхстага. Парламентской ратификации не подвергались бы также и международные договоры. Таким образом, парламентская демократия превращалась в официальную диктатуру.

Шум, создаваемый штурмовиками, окружившими здание, доносился до зала заседаний, создавая тревожащий фон для собрания. Началось голосование. Только социалисты осмелились голосовать против. Предложенный проект был принят 441 голосом против 94. Осталось лишь распустить ассамблею. Старый маршал теперь тоже не имел почти никакой власти, и его подпись ничего более не значила. Повсюду воцарился нацизм.

Обладая всей полнотой власти, нацисты тем не менее осознавали: чтобы удержать ее, следует нанести сокрушительный удар по оппозиции, которая показала свою жизнеспособность на последних выборах. Будущее гестапо вскоре найдет себе применение.

Также следовало, не откладывая, провести в жизнь установку на единообразие и сделать из Германии страну, где безраздельно господствует нацизм. Необходимо добиться полного послушания, как того требует тоталитарный режим. Народ и государство нужно подчинить всемогущей партии. Для этого требовалось первым делом разрушить все политические структуры, устранить их руководителей, убивая, арестовывая или заставляя бежать из страны.

Коммунисты не представляли больше угрозы. 1 апреля Гитлер объявил бойкотирование продукции, производимой евреями, а также их магазинов. Уже давно одним из боевых кличей нацистов был «Да сдохнет жид!». Первоапрельским днем эсэсовцы и штурмовики заполнили берлинские улицы, возбуждая толпу против евреев, громя еврейские магазинчики и калеча находившихся там владельцев и продавцов. Они врывались в крупные рестораны и кафе в поисках еврейских клиентов. Эти погромы, как пережиток Средневековья, подняли во всем мире волну осуждения.

Подобные вспышки насилия не были спонтанными, как их считают. Гитлер отмечал, что «нужно всегда брать в расчет слабости и звериные инстинкты людей». Использование самых примитивных инстинктов человека, извлеченных наружу нацистами, воплотилось в антисемитизме, который являлся одной из составляющих нацизма. Первоапрельская операция также явилась ширмой для других событий: в то время как все внимание было обращено на уличные бои, появился первый декрет, начавший централизацию администрации рейха; 7 марта он был дополнен вторым. Этими декретами были распущены парламенты всех земель, за исключением Пруссии. Их место заняли назначенные Гитлером рейхсштатгальтеры, взяв на себя все полномочия по управлению. Эти меры уничтожили противоречия, появившиеся в некоторых земельных парламентах, в частности в Баварии. «Наместники от центральной власти» имели право смещать со своих должностей чиновников за политический неконформизм или неарийскую внешность.

После принятых мер предосторожности партийный Комитет национального действия 21 апреля подписал распоряжение о роспуске 28 организаций Всеобщей конфедерации труда. Их имущество было конфисковано, руководители организаций вместе с директорами Рабочего банка арестованы. Другие профсоюзные организации не посмели отреагировать на незаконные действия.

1 мая Гитлер провозгласил «национальным праздником труда». Накануне этого события нацисты начали вежливые, но жесткие переговоры с руководителями свободных профсоюзов – с теми, кто остался у руководства католических или социалистических синдикатов. Профсоюзам предложили принять участие в манифестации, организуемой нацистами по поводу первого праздника нового режима. Они собирались праздновать день рабочей солидарности, объединения трудящихся в духе общенационального братства. Намечалось не политическое, а общественное действие, направленное на примирение. Праздничный день предлагалось оплачивать как обычный рабочий; всем, кто придет на демонстрацию, полагалось возмещение транспортных расходов и расходов на питание.

Наивность или трусость? Кто осмелится дать определенный ответ? Тем не менее профсоюзы дали свое согласие.

1 мая немецкие рабочие (миллион человек) собрались на бывшем военном плацу в Темпельгофе. Гитлер произнес перед ними небольшую, но замечательную речь, призывая народ трудиться и взывая к Богу. На следующий день в десять часов утра отряды штурмовиков и полицейские взводы заняли штаб-квартиры профсоюзов, их газеты, их кооперативы, народные дома, Рабочий банк и его филиалы.

Гестапо было основано специальным декретом Геринга в Пруссии, но впервые опробовало свои силы под новым названием в Берлине. Руководители профсоюзов, внесенные в особые списки, были арестованы на дому или там, где они скрывались. Лейпарт, руководитель реформистских профсоюзов, Гроссман, Висель – в общей сложности 58 профсоюзных лидеров – были задержаны «для обеспечения их безопасности». Профсоюзные архивы, банковские счета были изъяты, в том числе фонды благотворительности и пенсий.

Тем же днем Комитет по защите немецких трудящихся, возглавляемый доктором Леем, взял в свои руки управление всеми профсоюзами, которые попали в подчинение заводским партийным комитетам нацистов.

Так, организации численностью около 6 миллионов членов, с годовым доходом около 184 миллионов марок, были разгромлены, не оказав ни малейшего сопротивления.

4 мая доктор Лей объявил о создании Трудового фронта, специальным декретом вводя принудительный труд. Этот фронт будет использоваться как гигантский пропагандистский аппарат для внедрения нацистской идеологии в сознание миллионных масс людей, принужденных в него вступить. Результатом стало уравнивание условий жизни среди рабочих. Хотя мас-

штабные нацистские программы снизили уровень безработицы, зарплаты рабочих были снижены до минимума в пользу промышленников, перешедших на сторону нацистов.

Покончив с профсоюзами, уже легче было справиться с оставшимися политическими партиями.

Гугенберг, пришедший к власти вместе с Гитлером и фон Папеном 30 января, обеспечивал для Гитлера очень ценную поддержку немецких националистов. Он выразил опасения по поводу мер, предпринятых в отношении партий центра. Тотчас, в соответствии с новыми декретами, государственные служащие – члены его партии были бесцеремонно смещены со своих постов. Однако у Гугенберга было еще два портфеля: экономики и сельского хозяйства. Чтобы от него избавиться, были организованы масштабные протесты, направленные против его сельскохозяйственных реформ. И 28 июня он был вынужден подать в отставку.

В тот же день популистская партия – бывшая партия Штрэземана – в мерах предосторожности произвела самороспуск; за ней 4 июля последовала католическая партия центра. Единственной партией, храбро противостоявшей невзгодам, была баварская популистская партия. Наконец взялись и за нее: последовали аресты руководства партии, в том числе принца Вреде, кавалерийского офицера, в 1923 году участвовавшего в провалившемся путче вместе с Гитлером и вместе с ним посаженного в Ландсбергскую тюрьму. Ему пришлось уступить и распустить партию.

Новый декрет от 7 июля исключал всех депутатов-социалистов из рейхстага и всех правительственных органов земель. Многие из руководства социалистических партий уже перебрались за границу. Оставшиеся были в тюрьме либо в концентрационных лагерях. Нацисты объявили, что те, кто еще не отдал должное их идеям, отправятся туда на «перевоспитание». Еще 25 марта под Штутгартом был открыт первый концентрационный лагерь. Он был рассчитан на полторы тысячи мест, но вскоре насчитывал в три или четыре раза больше заключенных. Этот вид учреждений в краткие сроки стал одним из основных институтов страны.

В тот же день, 7 июля, появляется пакет из 19 законов. Один из них ставил точку под всеми политическими дискуссиями и переговорами: «Национал-социалистическая немецкая рабочая партия является в Германии отныне единственной политической партией. Лица, оказывающие поддержку другим политическим партиям либо пытающиеся основать новую политическую партию, наказываются каторжными работами на срок до 3 лет или тюремным заключением от 6 месяцев до 3 лет, в случае если не предусмотрено иного наказания в текстах других законоположений».

Без сомнения, многие честные немцы были поражены создавшимся положением дел. Их ошибка заключалась в том, что они не приняли всерьез предупреждение Гитлера: «Там, где мы есть, нет места никому другому!» У всех тех, кто начинал вместе с Гитлером, было достаточно времени, чтобы обдумать эти слова.

Отныне нацисты стали абсолютными хозяевами Германии. Их «новые учреждения» начали работать без помех.

Глава 2

Геринг обращается к полиции

Весной 1934 года 65 тысяч немцев покинули свою страну. Год нацистской диктатуры способствовал этой миграции, побуждая сотни людей, в большинстве своем артистов, писателей, преподавателей, рисковать своей жизнью во время нелегального пересечения границы. Они бежали от страха, зависимости и скрытого ужаса под названием гестапо.

Гестапо. Эти три слога заставляли бледнеть самых отважных, ибо несли в себе несчастье и кошмар. Кто смог сотворить ужасающее образование? Какое чудовище выдумало этот карающий молот нацистской машины, принеший смерть 25 миллионам человек и ввергший Европу в руины и прах?

Этот человек не выглядел ужасно. Его круглое лицо было скорее симпатичным, он выглядел приятнее своих соратников, а его манеры отличались непринужденностью. Этого человека звали Герман Геринг.

При изучении биографии Геринга на ум приходят две фразы Мальро: первая из его романа «Орешники Альтенбурга»: «Суть человека не в том, что он скрывает, а в том, что он делает», и вторая из «Условий человеческого существования»: «Человек есть сумма его поступков: тех, которые он сделал, и тех, которые мог сделать». Геббельс, Гесс, Борман, Гиммлер, не говоря о Гитлере, сразу вызвали чувство беспокойства. Геринг, наоборот, вселял спокойствие и уверенность. Только Отто Штрассер вносил нестройную нотку, оценивая Геринга: «Геринг – прирожденный убийца, он наслаждается ужасом...» Это «наслаждение ужасом» действительно очень увлекало ожиревшего маршала на вершине его карьеры. Зная толк в мучениях, он предавался им с артистически-декадентской утонченностью.

Такие особенные свойства развились у Геринга при весьма любопытных обстоятельствах. Напомним, что рейхстаг, избранный после голосования от 14 сентября 1930 года, через месяц провел свое первое заседание. Национал–социалистическая партия по количеству мест оказалась на втором месте после социалистов, получивших 143 места. 107 новых нацистских депутатов рейхстага вошли четким маршем в зал заседаний, одетые в коричневые рубашки. Замыкающим этой необычной колонны был один из старейших членов партии Герман Геринг. Он появился в рейхстаге двумя годами ранее – 20 мая 1928 года, когда его партия еле-еле добилась 12 мест в парламенте. В то время мало кто из немцев помнил, что этот новый депутат был одним из героев последней войны, которую еще не объявили легендарной. Его присутствие в рядах молодой и шумной национал-социалистической партии, пользующейся дурной славой, было, пожалуй, странным. По своему происхождению и прошлому ему скорее следовало быть членом одной из консервативных партий (в большинстве своем монархистских) или той партии центра, которая объединяла представителей крупной буржуазии.

Сын доктора Генриха Геринга, высокопоставленного чиновника старой школы, Герман Геринг родился 12 января 1893 года в Баварии, в городе Розенхайме. По бабушке со стороны матери Каролине де Нерэ у него были французские предки – гугеноты, осевшие в Нидерландах. Его отец, близкий друг Бисмарка, в 1885 году стал первым генерал-губернатором немецкой Юго-Западной Африки. Закончив два университета – Боннский и Гейдельбергский, служивший офицером в прусской армии, отец Геринга был глубоко проникнут прусскими порядками и прусским образом жизни.

Став вдовцом с пятью детьми от первого брака, доктор Геринг во второй раз женился на молодой тирольке, увезя ее с собой на Гаити, – он был назначен туда на свой второй колониальный пост. Потом он отправил ее обратно в Баварию, чтобы она произвела на свет маленького Германа.

Его детство представляло собой длинную череду драк и потасовок. Германа регулярно выгоняли из школьных учреждений за слишком агрессивный нрав и независимый характер. Видя такое положение дел, отец решил отправить его в Карлсруэ, в кадетскую школу, из которой он перевелся в военную школу в Берлине.

Юный Геринг окончил эту школу с отличием и уже в марте 1912 года начал свою военную карьеру младшим лейтенантом в пехотном полку принца Вильгельма, который располагался в Мюлузе. Ему только что исполнилось девятнадцать лет. Гарнизонная служба претила энергичному молодому человеку, и он с радостью воспринял мобилизацию на войну. В октябре 1914 года он добился перевода в авиацию. Именно там служба принесет ему славу. Сначала он летал в качестве наблюдателя; пилотом бомбардировочной авиации его назначили в июне 1915 года, а уже осенью 1915-го он становится летчиком-истребителем.

За штурвалом маленького самолета лейтенант Геринг полностью раскрыл свои боевые качества, направив воинственные инстинкты в нужное русло. Он подбил один из тяжелых британских бомбардировщиков «хэндли-пейдж», а затем сам был сбит английскими истребителями. Он был ранен в левые бедро и руку, но по выздоровлении снова занял место в строю, став одним из лучших немецких летчиков-истребителей. В мае 1917 года он получил должность командира 27-й эскадрильи. В начале 1918 года у него на счету уже 21 сбитый самолет, и в мае этого года кайзер наградил его орденом «За заслуги», тогда высшим германским отличием. Затем Геринга переводят в знаменитую эскадрилью номер 1, известную как эскадрилья Рихтгофена – по фамилии ее первого командира.

21 апреля 1918 года капитан барон Фрейкер фон Рихтгофен, имевший на своем счету более 80 побед в воздушных боях, погиб. Его место занял лейтенант Рейнхард, который погиб 3 июля. Тогда командование этой знаменитой эскадрильей принял Герман Геринг. Он вступил в должность 14 июля, когда германские войска начали свой отход на Марне.

Несмотря на проявленное в боях мужество, эскадрилье номер 1 пришлось смириться с поражением Германии. Для Геринга это был тяжелый период. В ноябре ему пришлось возвращать свои самолеты и личный состав в Германию. С болью в сердце Геринг сделал запись о перемирии в журнале боевых действий эскадрильи. С начала своего формирования эскадрилья номер 1 принесла Германии 644 победы в воздушных боях; 62 человека числилось в списке погибших.

Геринг демобилизовался в чине капитана. На его мундире красовались Железный крест 1-го класса, орден Льва Захрингена со шпагой, орден Карла Фридриха, орден Гогенцоллернов 3-й степени со шпагой и орден «За заслуги». Он никогда не забудет этот период своей жизни, как не забудет и друзей по эскадрилье Рихтгофена. В 1943 году в Гамбурге гестапо арестовало одного из сослуживцев Геринга по эскадрилье, еврея по фамилии Лютер. Едва узнав об этом, Геринг немедленно вмешался, добился его освобождения и принял под свое покровительство.

После своей демобилизации в конце 1919 года капитан Геринг был вынужден искать себе работу. Он мог бы продолжить службу в рейхсвере, но, будучи противником республики, Геринг не желал служить в ее армии. Чтобы заработать себе на жизнь, он принимал участие в показательных полетах сначала в Дании, а затем в Швеции. По воскресеньям он катал любителей острых ощущений на своем маленьком «фокке». Зарабатывая так себе на хлеб, он неожиданно встретил одну женщину, которую впоследствии увел от ее мужа и сына, чтобы в Германии, в Мюнхене, на ней жениться.

Вернувшись в Баварию, безработный герой едва сводил концы с концами. Поступив в Мюнхенский университет, Геринг рассчитывал не столько изучать политические науки и историю, сколько придать некоторую респектабельность своей вынужденной праздности.

Жил он в милом домике в пригороде Мюнхена на деньги, которые его жена, урожденная Карин фон Фок, получала от своей семьи.

Осенью 1922 года союзники потребовали от немецкого правительства выдачи некоторых военных преступников. Геринг был взбешен, узнав, что его имя фигурирует в одном из списков, предоставленных Францией.

В одно ноябрьское воскресенье в Мюнхене на площади Кёнигсплац был организован митинг протеста против требований союзников. Геринг присутствовал там. Слушая ораторов, выступающих против этих требований, он заметил в толпе рядом с собой худощавого человека с острым профилем и маленькими черными усиками. Его лицо показалось Герману знакомым. Это был Адольф Гитлер, о котором в Баварии начинали говорить; его портреты Герингу уже приводилось видеть. Вокруг него собралось небольшое кольцо людей, которые просили его выступить. Гитлер отказывался, говоря, что не хочет «нарушать добропорядочное проявление национального единства». Это было сказано в манере тщательно скрытого презрения, чем Геринг был поражен. Он тоже считал, что эти высосанные из пальца протесты не будут иметь никакого эффекта, лишь более жесткое и решительное действие может дать положительный результат. На следующей неделе Геринг пришел на собрание Национал-социалистической немецкой рабочей партии. Гитлер делал доклад, основным мотивом которого была борьба против «версальского диктата». Версальский мирный договор сделал из блестящего офицера Геринга полунищего человека, живущего за счет жены, поэтому поднятая тема живо задела его. Когда собрание было окончено, он представился Гитлеру и предложил свои услуги.

Для партии, еще не набравшей силу, но уже расправлявшей крылья, Геринг был счастливым билетом. Его славу героя войны можно было использовать, а жестокость, проскальзывавшая в его речах, полностью согласовывалась с партийными установками. Уже на следующей неделе Геринг становится членом Национал-социалистической немецкой рабочей партии и решает посвятить себя душой и телом служению человеку, которого знал менее двух недель. Ударные команды партии – ее штурмовые отряды нуждались в руководителе. Им нужна была хорошая организация, дисциплина, координация действий; из штурмовиков предстояло сделать «абсолютно надежное формирование, которое будет осуществлять приказания Гитлера и мои собственные», как позже скажет Геринг. В начале января 1923 года Герман Геринг, безработный герой, принимает командование нацистскими ударными силами.

Из этих отрядов, уже имевших большое значение, но пока слабо организованных, Геринг в течение нескольких месяцев сделал боеспособную армию. Ему помогли знакомые военные, особенно капитан Рем, в то время командир 7-й дивизии и руководитель подпольных милицейских групп. Кроме того, Рем также был «духовным наставником» ряда националистических партий, придумывая разные лозунги и подавая соответствующие «идеи». Гитлер вместе со своей партией очень его интересовали, но между ними было одно крупное расхождение: для Гитлера на первом месте стояли политика и политическая организация партии, а Рем отдавал первенство солдату. Именно солдата, по мнению Рема, следовало перевоспитать и политизировать.

Рем нелегально снабжал штурмовиков оружием из секретных складов рейхсвера, лелея надежду возглавить эти формирования. Вскоре между Ремом и Герингом, чей приход Рем воспринял негативно, возникло глухое соперничество. Геринг в свою очередь не замедлил увидеть в капитане Реме опасного соперника.

Все же благодаря их вынужденному сотрудничеству нацистская партия к началу ноября 1923 года обладала настоящей армией, одетой в серо-зеленую форму, с военной выправкой, имевшей в своих рядах бывших боевых офицеров, набранных по объявлениям, опубликованным Герингом при поддержке Рема в газете «Фёлькишер беобахтер». Коричневые рубашки и гитлеровское приветствие появятся значительно позже.

Возлагая большие надежды на это воинство, 9 ноября 1923 года Гитлер и его друзья предпринимают непродуманную попытку путча.

Только 23 октября были предприняты первые шаги к подготовке этого путча, который должен был установить диктатуру Гитлера и Людендорфа. Плохо подготовленный путч был подавлен в течение нескольких часов. Мюнхенский полк штурмовиков занял позицию на правом берегу реки Изар, а полицейские отряды расположились на левом. Чтобы не терять попусту время, Геринг взял несколько заложников. Дело кончилось перестрелкой на улице Фельдгернгалле, где Геринг получил две пули в нижнюю часть живота. На первое время после перестрелки его укрыла в своем доме еврейская семья Баллин, пока преданные друзья тайно не переправили его через австрийскую границу, а потом в Инсбрук, где он смог начать лечиться.

Это ранение вкупе с периодом бездействия, который за этим последовал, оказали существенное воздействие на Геринга. Ордер на арест помешал ему вернуться в Германию, поэтому он был вынужден жить на протяжении четырех лет в Австрии, в Италии и потом в Швеции. Из-за позднего начала лечения его ранения плохо заживали. В течение двух лет он принимал морфий и стал им злоупотреблять. Интоксикация морфием повлекла за собой психическое расстройство; Геринг стал опасен для окружающих. Его пришлось положить в психиатрическую лечебницу в Лангбро, а потом в аналогичную в Конрадсберге. Снова переведенный в Лангбро, Геринг выписался оттуда, не долечившись, под регулярное наблюдение врачей. Судебный медик Карл А. Лундберг, который наблюдал Геринга в Лангбро, отметил его истерический темперамент, раздвоение личности, характеризовавшееся чередой припадков слезливой сентиментальности и приступов ярости, во время которых он был способен на крайности.

В этом не было ничего удивительного для членов его семьи: уже давно они дали ему самую суровую оценку. По словам его двоюродного брата Герберта Геринга, семья считала, что основными чертами характера Германа были тщеславие, страх ответственности и полное отсутствие нравственных устоев, позволявших ему «при необходимости шагать по трупам».

Продолжительное бездействие, пребывание в клиниках и госпиталях сильно изменили Геринга. Склонность к полноте превратилась в ожирение. Уже к тридцати двум годам он был тучен, налит нездоровым жиром, от которого ему позже не удалось избавиться. В изоляции от своих друзей национал-социалистов ему удалось избежать их грубого влияния. Отныне ему претили прямые силовые действия. Неудачный мюнхенский опыт, о котором он размышлял, привел его к выводу, что решения проблем могут быть иными.

Вчерашний хищник изменил свое обличье, зверь надел другую личину. Теперь Геринг решил использовать гораздо более опасное оружие. Эти перемены отдалят его от Рема, который останется грубым солдафоном. В 1927 году, вернувшись в Германию, Геринг, как и Гитлер, теперь убежден, что власть можно получить лишь при использовании «политических» средств. Под «политическими» он подразумевал, разумеется, самые грязные методы.

Возвратившись в Мюнхен после осенней амнистии 1927 года, Геринг нашел там всех своих друзей: Гитлера, давно освобожденного из тюрьмы, Геббельса, Штрейхера и Розенберга. В их рядах появился новый человек – Гиммлер, которому Гитлер хотел доверить реорганизацию своей личной охраны – службы СС. Что касается Рема, он в это время был в Боливии, занимаясь обучением новой армии. Геринг мог бы снова взять командование штурмовыми отрядами, однако почувствовал, что для него есть дело поважнее: его выдвинут кандидатом в депутаты на выборах 1928 года. И он был избран, хотя нацисты получили на них всего 12 мест. Торжественность заседаний в рейхстаге ему пришлась по вкусу, а депутатский месячный оклад в 600 марок существенно поправил его материальное положение. Его происхождение, как и его бывшее воинское звание, позволило ему войти в высшее берлинское общество и, главное, в круги крупных промышленников. Там он стал «представителем» Гитлера, впоследствии как «верный соратник фюрера». Посещение салонов берлинского общества закончилось тем, что Геринг полностью отдалился от наемников Рема и штурмовых отрядов. С этого времени он начинает рьяно увлекаться предметами искусства и проявлять претензии на меценатство.

В это время внутри нацистской партии назревало глухое противостояние штурмовиков и политической организации, руководимой Грегором Штрассером, с которым Геринг был в ужасных отношениях. Ловко обходя все подводные камни, Геринг следовал за Гитлером, своим господином, который искусно извлекал выгоду из соперничества своих приближенных, которых он настраивал друг против друга, чтобы лучше управлять ими.

По прошествии сентябрьских выборов 1930 года Геринг вошел в рейхстаг во главе 107 нацистских депутатов. Среди них находился и Грегор Штрассер. Геринг был единственным, который предвидел этот триумф: менее чем за два с половиной года количество мест нацистских депутатов в рейхстаге увеличилось с 12 до 107. В октябре 1931 года он похоронил свою жену Карин, долгие годы таявшую от туберкулеза. С тех пор он бросился в политику, посвятив всю свою жизнь Гитлеру, который стал для него почти богом. В начале 1932 года началась предвыборная президентская кампания, так как срок полномочий престарелого Гинденбурга истекал в апреле. Для Гитлера существовало серьезное препятствие: он не имел немецкого гражданства. Вот тогда блеснул гений Геринга: с помощью своих друзей – нацистов в брауншвейгском правительстве – председателя Кюхенталя и министра внутренних дел Клаггеса – он организует назначение Гитлера на пост экономического советника представительства Брауншвейга в Берлине. Это назначение автоматически предоставило Гитлеру немецкое гражданство. И фокус удался: 24 февраля он получил назначение, 26 февраля принес присягу, отказавшись от должностного оклада, а 4 марта подал в отставку. Вот так, за восемь дней, Гитлер стал немцем!

На апрельских выборах Гитлер не прошел, и старый маршал остался на своем посту еще на семь лет. Однако на следующих выборах, прошедших 31 июля, волна нацизма захлестнула Германию. Немецкая национал-социалистическая рабочая партия завладела 230 местами в рейхстаге, став самой могущественной немецкой партией. Геринг получил награду за свои усилия: избранный председателем рейхстага, он обосновался во дворце президиума, расположенном напротив здания немецкого парламента.

После роспуска рейхстага пришел черед нового голосования, что стало делом привычным: с 1925-го по 1932 год Германии пришлось голосовать более тридцати раз.

Несмотря на потери, понесенные нацистами на ноябрьских выборах (190 мест в рейхстаге вместо 230), Геринг сохранил свой пост председателя парламента. Его обязанности открывали ему прямой доступ к старому маршалу, вынужденному консультироваться с ним в моменты кризисных ситуаций, а они возникали одна за другой. Во время этих консультаций Геринг напомнил маршалу, что во время войны уже был представлен ему как боевой офицер.

Как председатель рейхстага, Геринг два раза сумел изменить ход событий. Первый раз, 12 сентября 1932 года, он поднял вопрос о вотуме недоверия правительству фон Папена, что вынудило его подать в отставку прежде, чем оно смогло использовать готовый декрет о роспуске парламента. Сидя в своем председательском кресле, Геринг нарочито не замечал Папена, размахивавшего бумагами перед его лицом. Второй случай произошел 22 января 1933 года, когда за несколько часов до падения кабинета Шлейхера Геринг уговорил Оскара фон Гинденбурга, сына маршала – президента, убедить своего отца в том, что Гитлер единственный, кто сможет сформировать новое правительство.

Так Геринг оказал Гитлеру ценнейшие услуги. Его личное участие сыграло решающую роль в захвате власти, значительная доля которой с марта 1933 года оказалась в его руках.

Таков был человек, чья роль стала одной из самых значительных в уничтожении свобод немецких граждан и основании гестапо.

Когда старый маршал согласился наконец доверить канцлерство тому, кого недавно называл «цыганским генералом», он поставил четыре категоричных условия. Во-первых, фон Папен становится вице-канцлером. Во-вторых, фон Нейрат должен занять пост министра иностранных дел. В-третьих, фон Папен займет пост председателя совета министров Пруссии,

который ранее всегда занимал сам канцлер рейха, потому что он являлся вторым по важности после его собственного. И наконец, министром рейхсвера становится Бломберг, в тот момент отсутствующий в Берлине (он представлял Германию на Женевской конференции).

Ставя подобные условия, «старый господин» надеялся отдать нацистов под опеку и контроль фон Папена. Нацисты приняли условия, полные решимости преодолеть все препятствия даже ценой нарушения данных обещаний. И снова Герингу пришлось сыграть здесь решающую роль.

Вечером 30 января 1933 года Геринг выступал по радио. Гитлер только что получил полномочия канцлера. Обращаясь к немецкому народу, Геринг вещал, что постыдная история последних лет навсегда ушла в прошлое. «Мы начинаем новую главу истории Германии, – заявил он, – и в этой главе свобода и честь станут единой основой нашего нового государства». Свобода! Честь! Сколь многим немцам вскоре представится возможность почувствовать настоящий смысл этих слов в концлагерях или застенках гестапо!

В составе нового кабинета Герингу приходилось терпеть противодействие фон Папена. Он был государственным министром, председателем рейхстага, министром внутренних дел Пруссии и комиссаром по делам авиации. Если Папен, понятное дело, не собирался вмешиваться в дела авиации, то, будучи рейхскомиссаром Пруссии, он был уполномочен контролировать деятельность Геринга, касающуюся полиции. Пруссия являлась самой важной немецкой провинцией, а Берлин оказался под юрисдикцией Геринга.

Одной из первых предпринятых Герингом мер стал вывод полиции из подчинения рейхскомиссара с переводом ее под свое подчинение. Однако Фрик, министр внутренних дел рейха, был вправе контролировать деятельность министра внутренних дел Пруссии. Не имея возможности отдавать ему приказания, он мог задавать провокационные вопросы. Поэтому Геринг запретил чиновникам своего министерства отвечать на любые запросы от министерства внутренних дел рейха.

В течение продолжительного времени Геринг особо интересовался деятельностью полиции. Как только Геринг, как депутат, смог завести постоянные знакомства в официальных кругах, он стал одержим идеей могущества, которое может дать хорошо организованная политическая полиция людям без совести. Постепенно идея гестапо обретала свои очертания. Между тем у него оказалась возможность познакомиться с берлинским полицейским чином по имени Рудольф Дильс. В прусской полиции, как и в полициях всего мира, существовало политическое подразделение – отдел 1А, руководителем которого и являлся Дильс. Он был одним из многочисленных «вечных студентов» Гамбургского университета, гораздо усерднее посещавшим пивные, чем университетские лекции. В те времена он был беспокойным членом одной из студенческих ассоциаций, претендовавших на историю и прошлое, идущие из Средних веков, имел репутацию весельчака и большого донжуана. Чтобы образумиться, Дильс поступает в полицию, где неожиданно раскрылись его ранее неведомые способности: изощренная наблюдательность и незаурядная проницательность.

В отделе 1А ему представилась прекрасная возможность максимально проявить себя. Он умудрялся выполнить любое поручение, даже сомнительное и незаконное, лишь бы это позволило ему продвинуться по служебной лестнице. Эти качества позволили ему войти в круги берлинского полусвета, где пороки нарочито выставлялись напоказ. Там он приобрел личную переписку Рема, в которой начальник штаба штурмовых отрядов без стеснения распространялся о своих гомосексуальных наклонностях. Эти письма попали в руки одного из членов прусского правительства, которые тот опубликовал, надеясь нанести смертельный удар по штурмовым отрядам.

В то время, когда Немецкая национал-социалистическая рабочая партия еще боролась за власть, против ее членов было возбуждено более 40 тысяч уголовных дел. По данным на конец 1932 года, в общей сложности ее члены были осуждены на четырнадцать тысяч лет тюремного

заклучения и на полтора миллиона марок штрафа. В возбуждении этих судебных преследований не последнюю роль сыграл отдел IA. 13 апреля 1932 года немецкая полиция приступила к акции, направленной против эсэсовцев и штурмовиков, исполняя положения только что вышедшего закона о запрете этих организаций. Обыски проводились повсюду: в школах СА, в казарменных помещениях и штабах. Оба боевых формирования нацистов оставались запрещены до момента, пока правительство фон Папена не отменило запрет.

Дильс, как и его коллеги, оказался в трудном положении, поскольку был очень активен в этой работе. Однако у него было преимущество: он понял, что ситуация меняется и нацисты в скором времени станут хозяевами всей Германии.

В августе Геринг становится председателем рейхстага, и Дильс еще раз удостоверяется, что не ошибся в своем предположении. Он начинает тайно посещать нового председателя, принося ему секретные документы, способные опорочить его противников. Прекрасно зная свое ремесло, он показывает Герингу, каким мощным орудием и обширным источником информации может стать политическая полиция, о которой мечтал Геринг, – всемогущая и всепроникающая. Геринг оценил сведения, порочащие его соперников в политике, которые позволили ему утвердить свою позицию в партии. Он оценил и молчание, при котором использовались эти нелегальные методы. Только скрытая сила могла сокрушить шумную армию головорезов Рема, которых он может использовать не в интересах партии и фюрера, а в своих собственных.

Возможно, Дильс нашел и иные способы для упрочения своего положения перед Герингом. Герман очень старался выглядеть важно и величественно в парламенте и своем дворце президиума, любил изображать из себя высокородного вельможу. Однако вельможа был весьма стеснен в средствах. А у Дильса, вхожего везде, имелись хорошие связи на бирже. Сведения, которые он добывал, позволили Герингу удачно спекулировать на бирже и помогали поддерживать свой статус. Так Дильс стал доверенным лицом Геринга, заплатив за это сомнительными услугами, которые делают людей сообщниками.

Когда нацисты пришли к власти, все было готово, чтобы активизировать деятельность полиции для упрочения полученных полномочий. Дильс уже давно составил списки полицейских-республиканцев, которых следует удалить. Чистка началась 8 февраля, на третий день после прихода нацистов к власти. Из старых кадров в полиции осталась только треть не считавшихся опасными для нового режима. Они вошли в новый состав полиции вместе с рьяными нацистами, штурмовиками и эсэсовцами. Дильс был поставлен во главе новой службы.

Сомнительное прошлое этого человека, невожатанный характер не испугали Геринга. Впрочем, как позже скажет доктор Шахт, «пьянство было одним из составляющих элементов нацистской идеологии».

Дильс знал о соперничестве Геринга и Рема. Сам он поддерживал весьма дружественные отношения с руководителями штурмовиков: прежде всего с Ремом; также с Эрнстом, начальником группы Берлин – Бранденбург; с графом Гелльдорфом, руководителем берлинских штурмовиков, ставшим позднее начальником берлинской полиции; и с Виктором Лютце, будущим начальником штаба СА. Он и тут по старой привычке играл двойную роль, используя свои связи, которые когда-нибудь могли бы ему пригодиться.

Чистка в полиции осуществлялась за несколько часов, и на противников нацистского режима обрушились репрессии. Для этого дела полиция объединилась с СА и СС. Коммунистическая, а вслед за ней и социал-демократическая партии были обезглавлены. Штурмовики организовали «частный» концентрационный лагерь в Ораниенбурге, недалеко от Берлина. Сотни узников были брошены туда без предъявления каких-либо доказательств их виновности. Там оказался Эрнст Хейльман, руководитель социал-демократической партии в Пруссии, сын бывшего президента республики Эберта, и многие другие видные деятели того времени. Геринг знал о существовании этого лагеря, как и об остальных сорока, открытых штурмовиками.

Даже в самом Берлине гестапо основало свою тюрьму. Она не подчинялась министерству юстиции, которым в то время руководил доктор Гюртнер, не являвшийся членом нацистской партии. Тюрьма располагалась в большом здании на Паперштрассе и называлась Колумбия-хаус. Нацисты, шутки ради, называли ее «голубятней». О том, что в ней происходило, вскоре стали рассказывать страшные истории.

22 февраля Геринг подписал декрет о формировании из штурмовиков и членов группы «Стальной шлем» вспомогательной полиции. Таким образом, он получал дополнительные кадры для проведения «масштабных полицейских операций», при этом обходя Рема, поскольку штурмовики оказывались в распоряжении у Геринга, когда они выступали как вспомогательная полиция. То обстоятельство, что легализация штурмовиков вдвое умножала насилие и жестокость, ничуть Геринга не смущало.

Напротив, он призывал своих подчиненных быть как можно беспощаднее. 17 февраля, обращаясь к прусской полиции, он предписал «в случае необходимости, не колеблясь, применять оружие. Каждый полицейский должен понять, что бездействие является гораздо более тяжким проступком, чем ошибка, совершенная при исполнении приказа».

В своих инструкциях от 10 и 17 февраля он разъяснял: «Каждая пуля, вылетающая из пистолета полицейского, – моя пуля. Если вы называете это убийством – знайте, это не вы, а я убийца, я приказал вам сделать это, я настаиваю на этом. Всю ответственность я беру на себя и не боюсь ее».

3 марта, в одном из публичных выступлений, обращаясь к врагам отечества, точнее, нацистской партии, он сказал: «Я не вершу правосудие. Моя единственная цель – разгромить и уничтожить, ничего более... Смертельную битву, в которой моя рука дотянется до вашего горла, я доведу до конца вместе с моими «коричневыми рубашками».

Стоит ли удивляться, что Шепман, префект полиции Дортмунда, отдал своим людям приказ стрелять без предупреждения по распространителям листовок, порочащих режим? Стоит ли удивляться, что ежедневно обнаруживались трупы, отмеченные следами жестоких пыток и избиений? Стоит ли удивляться, если в конце февраля немецкие газеты опубликовали данные, что за шесть недель в концлагеря и тюрьмы были брошены по меньшей мере 28 тысяч человек? Впрочем, число было явно заниженным, поскольку большинство арестов производилось тайно.

Пожар рейхстага и подписанный сразу после этого декрет о введении чрезвычайного положения дали возможность нацистам достичь апогея в своих методах и отправить в заключение всех руководителей оппозиции.

К 5 марта нацисты наконец завладели всей властью. Геринг, став министром-президентом Пруссии, собирался явить миру свое законченное произведение – политическую полицию, которой так гордился. Но за кулисами уже появился другой человек, вознамерившийся отнять ее у него.

Глава 3

Гестапо создано и участвует в поджоге рейхстага

23 марта 1933 года Геринг открыл первое заседание нового рейхстага. На этом заседании была объявлена амнистия для совершивших преступления и проступки «из патриотических побуждений», то есть для нацистов. 23 июня эту амнистию дополнил закон, аннулирующий судебные приговоры, вынесенные национал-социалистам в годы борьбы за власть. Закон предписывал немедленное освобождение заключенных, с них снималась судимость и возвращались взысканные с них штрафы. Партия национал-социалистов возвращала долги и защищала своих людей. Но это была и страховка на будущее: Геринг хотел, чтобы теперь все происходило в рамках строгой законности. Это означало, что убийства будут совершаться только по приказу.

Чтобы полностью контролировать государственную деятельность, следовало устранить с ответственных постов министров, не состоящих в нацистской партии. Два первых закона по реорганизации государства появились 1 и 7 апреля. Они гласили, что парламенты всех земель, кроме Пруссии, распускаются. Вместо них будут назначены прямые представители канцлера – рейхштатгальтеры, которым поручалось следить за исполнением законов рейха и директив фюрера. Централизация государства осуществилась одним росчерком пера. Скоро исчезнет и рейхсрат (совет представителей земель), лишенный своей основы, а в начале 1934 года исчезнет самоуправление земель. Разумеется, штатгальтерами назначали самых проверенных нацистов. В этом распределении львиная доля мест досталась членам политических органов партии, яростно боровшихся против высокопоставленных деятелей СС.

В Пруссии дело обстояло сложнее, поскольку там стоял вопрос об избавлении от фон Папена. Гитлер назначил штатгальтером самого себя, после чего передал полномочия Герингу. Рейхскомиссар фон Папен теперь не играл в Пруссии никакой роли. Геринг завершал труд по созданию своего полицейского образования, поэтому прусское правительство еще не было распущено: его ликвидация привела бы к передаче местной полиции под руководство Фрика, рейхсминистра внутренних дел.

Закончив всю подготовительную работу, 26 апреля 1933 года Геринг обнародовал декрет, создающий тайную государственную полицию: Die Geheime Staats-polizei, которая подчинялась ведомству министра внутренних дел Пруссии, то есть самому Герингу. В этот же день Дильс был назначен заместителем руководителя этой полиции. На немецком языке слово «Geheime» имеет два значения: «тайный» и «частный». Действительно, эта политическая полиция стала тайной и частной полицией одной партии, даже одного человека. Слияние партии и государства, практикуемое всеми тоталитарными режимами, здесь оказалось полным.

В тот же день другим декретом создавался штаб государственной полиции в каждом округе Пруссии, подчиненный центральному управлению в Берлине. Если до сего момента деятельность гестапо ограничивалась только Берлином, то теперь оно протягивало свои щупальца в каждый округ, но пока еще не выходя за пределы Пруссии.

Чистка закончилась не только в полиции, но также в правоохранительных органах и среди государственных служащих. Закон от 7 апреля предоставил возможность увольнять судей и чиновников, настроенных против нацистов; кроме того, евреев и тех, кто когда-либо состоял в левых организациях.

22 июня министерское предписание Геринга обязывало всех чиновников следить за высказываниями государственных служащих и докладывать ему о тех, кто позволял себе критиковать новый режим. 30 июня аналогичным распоряжением вменялись доносы среди рабочих. Так начался период шпионства, анонимных доносов и постоянной слежки друг за другом, которая пронизала Германию во всех сферах ее деятельности.

В центре этой паутины находилась политическая полиция. В соответствии с ее почтовым сокращением (по начальным буквам) постепенно все привыкли называть ее гестапо, и скоро это название стало печально известным. Начиная с июля гестапо решительно взялось за оппозицию и показало свою эффективность. Оно разгромило подпольную организацию компартии, над которой коммунисты трудились многие годы, и арестовало все ее руководство во главе с Джоном Шеером. Шеера должны были судить за восстановление запрещенной партии, но штурмовики выкрали его из тюрьмы и убили.

Нанося удары по оппозиции, службы Дильса также занялись, по приказу Геринга, подрывом позиций штурмовиков. Основной их мишенью оказался Рем.

Геринг, в силу своего положения, руководил и концентрационными лагерями. Однако большинство концлагерей, открытых службами СА, не подчинялось его ведению. Слухи, которые рассказывали об этих местах, были просто ужасными. Но не это шокировало Геринга – он не мог вынести то, что его всевластие имеет брешь. Тревожные слухи дали ему повод открыто напасть на Рема, ставшего в этот момент еще более опасным, чем всегда. После прихода нацистов к власти отряды штурмовиков росли по часам. Одна только берлинская группа штурмовиков насчитывала уже более 600 тысяч человек¹.

Цельми формированиями члены «Красного фронта» переходили под начало СА. Берлинцы окрестили такие взводы «бифштексами» – коричневыми снаружи, красными внутри. Рем более не ведал забот: к концу 1933 года в Германии насчитывалось 4 миллиона 500 тысяч членов штурмовых отрядов, и он фактически стал министром без портфеля.

Геринг, всеми силами стараясь затормозить дальнейший рост влияния СА, поручил Дильсу провести расследование в отношении концлагерей штурмовиков и ликвидировать их. Должны были остаться лишь «официальные лагеря», руководством которых займется СС. На этот счет Геринг предварительно договорился с руководителем СС Гиммлером.

Фактически СА занимались сведением счетов со своими противниками и вчерашними сообщниками, ставшими опасными. Был убит инженер Джордж Белл, служивший посредником в финансовых переговорах между Гитлером и Генри Детердингом. Штурмовики убили и майора полиции Хунглингера. Десятью годами ранее, 9 ноября 1923 года, он выступил против Гитлера во время провалившегося путча в Мюнхене. Погибли и те из штурмовиков, кто решил отойти от движения; некоторые из руководителей СС, которые под началом Гиммлера становились очень опасными соперниками.

СА желали кровью оплатить свои потери: 300 убитых и 40 тысяч раненых – итог борьбы за власть в эти дни.

На Нюрнбергском процессе Гизевиус, ценнейший свидетель (прежде чем уйти в оппозицию, он работал в течение нескольких недель в гестапо), так описывал эти действия: «Штурмовики организовывали масштабные набеги, обыскивали дома, конфисковывали имущество, допрашивали людей, бросали их в тюрьмы. В целом штурмовики действовали как самозванная полиция, не принимая в расчет никаких установлений либеральной системы... Горе тому, кто попадал к ним в руки. Именно в это время создается «Бункер», кошмарная тюрьма; похищение людей стало излюбленным методом СА. Заслуги любого штандартенфюрера измерялись числом арестов, а репутация штурмовика основывалась на эффективности проведенных им допросов».

В некоторых районах вчерашних союзников – правые партии – начали беспокоить методы штурмовиков. В Брауншвейге организация «Стальной шлем» выступила против СА и была немедленно распущена. Любое сопротивление, любое сомнение в правомочности немилосердно подавлялось.

¹ Эта группа включала в себя Берлин и весьма обширную пригородную зону – Бранденбург.

Каждый командир штурмового отряда превращался в жестокого и надменного сатрапа, маленького квартального вершителя судеб. Каждый из таких тиранов обзаводился собственной охраной из бандитов, вооруженных до зубов; кроме того, он организовывал специальную группу, в задачи которой входило выслеживать и ликвидировать политических противников. Эти группы носили название служба 1С. Они отлавливали коммунистов, тех, кого они считали коммунистами, евреев и на худой конец бедных запуганных бюргеров.

Геринг злился: конкуренция была незаконной. Дильс сунулся в некоторые из «частных» концлагерей. Этих лагерей было около 40, в них гнили заживо 40 или 50 тысяч «врагов партии». Самым известным был лагерь в Ораниенбурге, хотя он был создан штурмовиками, среди его сотрудников были и гестаповцы. Именно туда гестапо отправляло большинство своих арестованных. Поэтому этот лагерь не тронули. Зато обратили внимание на три лагеря под руководством местных командиров штурмовиков: в Вуппертале, Хохнштейне и Бредове. Министерство юстиции получало оттуда письма с жалобами на плохое обращение с заключенными. Министр Гюртнер переслал эти письма Гитлеру с припиской: «Заключенных не только без всякого повода бьют кнутами до потери сознания, но и подвергают различным пыткам, как в лагере для интернированных в Бредове, близ Штеттина».

Этот лагерь в Бредове был основан местным руководителем СА Карпфенштейном, бывшим гаулейтером Померании. Геринг закрыл его, как и лагерь в Бреслау, управляемый Гейнсом, близким сотрудником Рема и гомосексуалистом, который подвергал своих заключенных садистским пыткам. Свой лагерь в пригороде Берлина имелся и у Эрнста, в прошлом официанта кафе, в тот период ставшего одним из ведущих руководителей штурмовиков. Прошлое этого человека было сомнительным, Геринг прикрыл и его заведение.

Напротив, никаких претензий не предъявлялось лагерям, подведомственным эсэсовцам: например, Дахау, который станет известен двенадцатью годами позже. Начальник этого лагеря эсэсовец Эйке опубликовал для своего лагеря специальное положение, которое гласило:

«Терпимость означает слабость. Наказание будет безжалостно применено каждый раз, когда это будет в интересах родины. К добропорядочным гражданам, по неведению совершившим проступок, это положение не относится. Но политагитаторы и вожаки-интеллигенты должны быть предупреждены: не попадайтесь нам, ибо вас возьмут за горло и заставят замолчать вашими же собственными методами».

Каждый эсэсовец знал, что следовало понимать под «интересами родины». В мае в Дахау были умерщвлены бывшие депутаты-коммунисты Дрессель и Шлеффер. В это же время, в период с 16 по 27 мая, были замучены до смерти четверо других узников четверья охранниками – эсэсовцами, действовавшими независимо друг от друга. Такие убийства вошли в обычную практику. 24 мая мюнхенский адвокат доктор Альфред Штраус после пыток был застрелен двумя пулями в затылок. Врач, проводивший вскрытие трупа, засвидетельствовал «почерневшие и синие кровоподтеки и зияющие раны». Трое других заключенных – Леонард Гаусман, Луис Шлосс и Себастьян Нефцгер – умерли при аналогичных обстоятельствах.

Мюнхенская прокуратура, еще не перестроившаяся в соответствии с требованиями нацистов, попыталась получить дополнительную информацию в связи с этими убийствами. Управление СС ответило, что все четверо заключенных были убиты при попытке к бегству. Однако доклад по вскрытию доктора Штрауса гласил, что один из убитых был в тапочках, «носок имелся лишь на одной ноге, другая же была без носка из-за раны на ней». А пули были выпущены в затылок в упор.

Совершенно ясно, что лагеря штурмовиков были закрыты не за то, как в них обращались с заключенными, а потому, что функционировали под командованием штурмовиков. Рем и его друзья поняли суть дела и тут же постарались нанести ответный удар.

Однажды утром берлинское гестапо доставило в Ораниенбургский лагерь двух задержанных. Они находились в жалком состоянии: по всей видимости, их подвергли допросу с при-

страстием. Однако на этот раз администрация лагеря восприняла случившееся чуть ли не с негодованием: комендант лагеря Шеффер доложил о случившемся своему непосредственному начальству – штандартенфюреру Шутцвехслеру. Тот также был «шокирован» столь возмутительным обращением. Оба сразу отправились на Принц-Альбрехтштрассе, где располагался штаб гестапо, «требовать объяснений». Их вежливо выслушали, пообещали найти виновных и завтра же дать ответ.

На следующий день действительно ответ пришел по телефону: Ораниенбургский лагерь закрывался по причине плохого обращения с заключенными. При этом сообщалось, что к лагерю отправлен поезд для перевозки заключенных в недавно открытый эсэсовцами лагерь около Эмса. Шеффер едва успел домчаться до Берлина, чтобы доложить о сложившейся ситуации государственному секретарю Грауэрту. Тот, видя назревающий серьезный конфликт, постарался приостановить действие приказа о ликвидации лагеря. Ораниенбургский лагерь продолжил функционировать под руководством Шеффера.

Это была одна из многочисленных стычек между разными нацистскими службами, прекратившимися вместе с самим режимом. А личные счеты сводились даже в зале заседаний Нюрнбергского трибунала! Жесткое соперничество нередко переходило в лютую ненависть друг к другу.

Соперничество возникало из-за должностей, почестей, материальных выгод, которые давались не по заслугам, возможностям и высоким моральным качествам человека, а сиюминутным фаворитам, принадлежавшим к влиятельному в данный момент клану; тем, у кого имелись высокопоставленные друзья. Каждая организация стремилась вытеснить соседнюю, особенно ту, чья сфера компетенции соприкасалась с ее собственной. Помимо того, внутри каждой организации, каждой службы наблюдалась аналогичная борьба между разными группами, стремящимися продвинуться ближе к власти.

Гестапо не было исключением. Если внешне люди видели цельный, единый организм, безупречный и идеальный по своей структуре, то внутри на самом деле оно представляло собой банку с пауками в период спаривания.

Должность Дильса, фаворита Геринга и незаменимого человека, была для многих лакомым кусочком. Для некоторых из них сразить Дильса означало освободить его кресло и самим сесть в него. У нацистов было заведено, что доносчик в качестве вознаграждения получал место того, которого отправил на плаху. Враги Геринга избрали своей мишенью Дильса, потому что его уход означал бы большую потерю для министра-президента. Тем не менее Дильс умело лавировал между интригами с ловкостью прожженного дворцового интригана.

Однако настал день, когда один из врагов Дильса нашел у него уязвимое место. После лицемерной кампании протестов по поводу слишком жестких методов действия гестапо президенту Гинденбургу было вручено досье, переданное ему представителями немецкого генералитета, пользовавшимися его доверием. Досье было составлено Фриком, который не забыл, как Геринг отобрал у него контроль над гестапо. Однако демарш не удался. Геринг объяснил, что речь шла об отдельных случаях, имевших место из-за непомерного усердия нижестоящих чинов. Ему пришлось специальным декретом назначить комиссию, обязанную заняться реорганизацией гестапо и наказанием виновных. Само собой разумеется, что эта комиссия никогда не собралась. Чтобы успокоить маршала, Геринг был вынужден пожертвовать Дильсом, и в конце сентября 1933 года тот покидает свой пост. Мгновенно последовало назначение Дильса на пост заместителя руководителя берлинской полиции. Хорошо зная местные нравы, Дильс рассудил, что безопаснее для него будет эмиграция в Чехословакию, чтобы спокойно переждать дальнейшие события. Даже Австрия, уже напичканная нацистами, показалась ему недостаточно надежной.

Для Геринга это был весьма чувствительный удар. Отставка Дильса была победой его врагов. И он нашел способ парировать этот удар.

На освободившееся место Геринг назначил проверенного нациста, представителя старой гвардии, чья репутация не вызывала никаких сомнений. Это был Поль Хинклер, близкий друг Вильгельма Кубе, бывшего председателя нацистской фракции в ландтаге Пруссии, обер-президента Бранденбурга.

Хинклер приступил к исполнению своих обязанностей. Однако Геринг знал (хотя и скрывал сей факт), что Хинклер является таким законченным алкоголиком, что по сравнению с его запоями попойки Дильса кажутся школьными проделками. Кроме того, он был судим за соучастие в убийстве, хотя суду не удалось доказать его вину. В общем, Хинклер страдал чем-то вроде умственной неполноценности, отягченной алкоголизмом.

Скрывшись в сельской глухомани, Дильс продолжал внимательно наблюдать за событиями. За неделю до его ухода, 21 сентября, началось разбирательство по поводу поджога рейхстага. Поскольку он руководил расследованием и знал все тайные стороны, ему скоро стало ясно, что дело примет скандальный оборот. За границей этот процесс привлек всеобщее внимание: немецкие эмигранты всячески стремились пролить свет на эти события. Дильс тайно дал знать в Берлин, что мог бы вернуться, если его возвращение будет оценено по достоинству.

Тем временем Хинклер в Берлине продолжал совершать ошибку за ошибкой; в конце октября, менее чем через тридцать дней после назначения, его пришлось спешно уволить. Получив срочный вызов, Дильс согласился снова занять свой пост. Первое, что он сделал, – приказал арестовать Хинклера, который, увидев ранним утром гестаповских полицейских у себя под дверью, сбежал из дома через окно. Полицейский патруль задержал его и доставил в участок, откуда он смог связаться со своим другом Кубе, примчавшимся его выручать.

После этого события-предупреждения Дильс возобновил свою работу и принялся за старое. В то же время Геринг почувствовал, в кого метились противники Дильса, и решил принять превентивные меры. 30 ноября 1933 года, пользуясь своими полномочиями министра-президента Пруссии, он выпустил декрет революционного содержания, по которому политическая полиция – гестапо – освобождалась от подчинения министерству внутренних дел. По этому документу гестапо переходило в ведение одного Геринга. Отделение политической полиции представляло собой юридическую несурзность, но нацистам были нипочем соблюдения юридических норм.

В тот же день Геринг выдал ордер на арест некоторых членов той самой комиссии, которой после ухода Дильса было поручено реорганизовать гестапо, но она ни разу не собралась. Аресты не осуществили, но свою цель они выполнили: послужили предупреждением тем, кто попытался бы взглянуть на то, что происходит в недрах неприкосновенного гестапо.

В начале 1934 года пресса Херста в Америке опубликовала статью Геринга, в которой он писал: «Мы лишаем защиты закона врагов народа... Мы, национал-социалисты, сознательно отказываемся от ложной терпимости и фальшивого гуманизма... Мы не признаем лживых выдумок адвокатов, их китайской грамоты юридических тонкостей».

Действительно, нацисты никогда не считались с «адвокатской китайской грамотой». Единственный раз они в целях пропаганды попытались использовать большой, хорошо отрепетированный судебный процесс, однако эта махинация обернулась против них.

21 сентября 1933 года в Верховном суде Третьего рейха, заседавшем во дворце юстиции в Лейпциге, начался новый акт драмы, которая в феврале потрясла Германию и весь мир. Купол рейхстага наполовину обрушился, объятый пламенем, а вместе с ним охваченная ужасным огнем нацизма рухнула либеральная Германия. В тот осенний день новые хозяева рейха попытались оправдаться в глазах международного общественного мнения, потому что после пожара рейхстага не нашлось никого, кто поверил бы в легенду о причастности к нему коммунистов. Тем не менее эта легенда позволила начать жестокие репрессии и уничтожение оппозиции, без чего национал-социалисты, еще не окрепнув, не смогли бы удержать власть.

Судья Бюндер, посевший в своем служении Фемиде, окруженный четырьмя заседателями в красных мантиях, в течение пятидесяти четырех судебных заседаний прилагал все усилия, чтобы придать какую-то пристойность бурным судебным прениям, которые то и дело выходили из-под его контроля.

На скамье подсудимых сидели пятеро обвиняемых, по виду которых можно было предположить, что их здесь свело случайное стечение обстоятельств. Конечно, там был ван дер Люббе, полусумасшедший голландец, арестованный в горящем рейхстаге, безоговорочно принадлежавший к компании поджигателей. Рядом с ним сидел бывший руководитель группы коммунистов-депутатов Торглер, один из знаменитых ораторов немецкой компартии, уступавший по популярности лишь Эрнсту Тельману, ее руководителю. Он был арестован прямо в полиции, куда явился на следующий день после поджога, чтобы объяснить ситуацию. Ему предъявили обвинение по показаниям двух сомнительных свидетелей, депутатов Фрея и Карвана, бывших активистов компартии, перешедших в ряды партии национал-социалистов. Под присягой они заявили, что в день пожара видели Торглера, входящего в здание рейхстага вместе с ван дер Люббе. Это свидетельство судье показалось вполне удовлетворительным.

Трое других обвиняемых представляли гораздо больший интерес. Это были болгары, арестованные при странных обстоятельствах. Некий Гельмер, официант в ресторане «Байернгоф», расположенном на Потсдаммерштрассе, увидел изображение ван дер Люббе в газетах, а также заметил объявление, в котором обещалось вознаграждение в 20 тысяч марок тому, кто поможет арестовать его сообщников. Гельмер вспомнил, что видел Люббе в своем ресторане в компании трех человек, которые туда несколько раз заходили и выглядели точь-в-точь как «большевики». А то, что «Байернгоф» был рестораном весьма высокого класса и бродяг вроде ван дер Люббе там не пускали даже на порог – это обстоятельство осталось незамеченным. Полиция устроила засаду в «Байернгофе» и 9 марта арестовала там трех завсегдаев. У двоих из них документы на первый взгляд казались настоящими: по паспортам они были доктор Гейдигер и господин Панев. У третьего же документов не было. Полиция быстро выяснила, что документы фальшивые; тогда мужчины признались, что они болгары и зовут их Благой Попов, Васил Танев и Георгий Димитров.

Димитров! Как только о его аресте стало известно в штаб-квартире гестапо, радости не было конца. Димитров был руководителем подпольного Коминтерна в Западной Европе; в Болгарии он уже был один раз осужден на двадцать лет заключения, а второй раз – на двенадцать. Двое его товарищей были также осуждены за свою политическую деятельность на двенадцать лет каждый. Они бежали из Болгарии в СССР и пребывали там довольно долго. Потом они приехали в Германию, чтобы попытаться тайно вернуться в Болгарию. Они утверждали, что ван дер Люббе никогда не видели, а Торглер известен им только по фамилии. Как только об их задержании стало известно, набежала куча свидетелей, видевших их: вместе с Торглером и ван дер Люббе в ресторане, на улице, в рейхстаге, перетаскивавших какие-то ящики, что-то высматривавших в зале парламента и в самых немислимых местах. Димитров воспринимал эти заявления спокойно, потому что мог без труда доказать, что в день пожара был в Мюнхене.

Таковы были люди, сидевшие на скамье подсудимых, справедливой только в отношении ван дер Люббе, жалкого человека, пойманного на месте преступления.

Процесс привлек внимание широкой публики. В зале присутствовали 120 журналистов из разных стран, кроме Советского Союза. Корреспондентов из СССР не допустили в здание суда. Гитлер с нетерпением ожидал «сурового» приговора, который по завершении помог бы придать новую силу антикоммунистической пропаганде.

Однако это дело незадолго до Лейпцигского процесса разбиралось в другом суде. Немецкие эмигранты, нашедшие себе убежище во Франции, Англии, а некоторые – и в США, привлекли внимание мировой общественности к данному делу. Они начали свое расследование, собрали свидетельства, опубликовали фотографии и документы в стремлении установить

истину, о которой догадывался каждый: рейхстаг был подожжен самими нацистами для подписи престарелым Гинденбургом законов о введении чрезвычайного положения.

В Париже организовалась активная группа, где работали Андре и Клара Мальро, Жан Гюэнно, итальянец Кьяро– монте. Двое немецких писателей-коммунистов – Вилли Мюнценберг и Густав Реглер – на многих языках опубликовали «Коричневую книгу», довольно широко распространившуюся. Правда вот-вот могла открыться.

В начале сентября один антифашистский комитет образовал в Лондоне международную комиссию по расследованию, которая решила заранее провести слушание дела о поджоге рейхстага. Комиссия под руководством крупного лондонского адвоката Дэниса Ноуэлла Притта включала в свой состав французских, английских, американских, бельгийских и швейцарских общественных деятелей, таких, как Гастон Бержери, госпожа Моро Джиафери, госпожа Анри Торрес, Артур Хейс, Вермелен. Пост прокурора занял Стаффорд Крипс, который изложил все имеющиеся факты и уточнил, что эта имитация судебного разбирательства не имеет юридической силы, а проводится с целью выяснить истину, из-за определенных обстоятельств неспособную проявиться в самой Германии.

В ходе заседаний этой комиссии стало очевидно, что если Люббе был одним из поджигателей, то он мог быть только чьим-то орудием. В чьих руках? Нацистов, ответила комиссия, в частности Геринга, который становился, таким образом, главным обвиняемым. 11 сентября госпожа Моро Джиафери, которая с самого начала процесса получала письма с угрозами, провозгласила: «Нет в мире такого суда, даже настроенного враждебно по отношению к обвиняемым, который смог бы хоть на секунду допустить обоснованность этих смехотворных доказательств. Теперь нужно спасать лицо; за спинами обвиняемых, уже заранее приговоренных, необходимо спасти лицо того, кто сам теперь обвинен всеми честными людьми – Геринга...»

Кто был в Берлине 27 февраля вечером, кто тот человек, у которого есть ключи от рейхстага?

Кто тот человек, руководящий действиями полиции?

Кто мог усилить либо ослабить полицейский надзор?

У кого были ключи от подвалов, через которые поджигатели проникли в здание рейхстага?

Этот человек не кто иной как Геринг, министр внутренних дел Пруссии и председатель рейхстага!

Спаси лицо... Вот что сказала госпожа Моро Джиафери; именно этим занимался суд в Лейпциге. Там среди обвинителей очень скоро началась паника, и обвинение перешло в защиту от яростных нападок озлобленного Димитрова. Четверо остальных обвиняемых не доставляли им хлопот. Ван дер Люббе постоянно был погружен в состояние мрачного отупения; из него с трудом смогли вытянуть несколько односложных ответов. Что же касается Танева и Попова, то они не знали ни слова по-немецки. Димитров взял в свои руки ведение процесса. Теперь он превратился в обвинителя. И его обвинения были столь точными, что прокурор-обвинитель доктор Вернер объявил о принятии решения, которое ввергло в шок всех присутствующих. Он взял «Коричневую книгу», которую опубликовали эмигранты, и стал, страница за страницей, пытаться опровергнуть содержащиеся в ней сведения, доказывая, что речь идет о клеветнических измышлениях!

Так обвинители стали обвиняемыми, и дальнейший ход процесса теперь имел своей целью лишь оправдаться.

В суд для дачи показаний были вызваны люди, о которых в Германии говорили только шепотом: начальник штурмовых отрядов Силезии Гейне, префект полиции Бреслау, граф Хеллендорф, руководивший берлинскими штурмовиками в момент пожара, префект полиции Потсдама штурмовик Шульц и, наконец, сам Геринг!

Гизевиус в красках рассказал о появлении Германа Геринга перед судом. Обычно Геринг обожал на публике разыгрывать одну из излюбленных им ролей: любимый народом «душка Геринг», «верный визирь», «национальный герой». Однако была у него одна роль, которую он предпочитал остальным в тот период: роль стального человека, именно ее он избрал для выступления в суде.

Стальной Герман предстал перед судьями в светлом охотничьем костюме и высоких сапогах, стучавших по паркету. Он изображал спокойствие, которое, однако, быстро его покинуло. Разгневанный, он через несколько минут вспотел от ярости и начал кричать так, что его вопли эхом взлетали к сводам зала суда. Он был ошеломлен поворотом судебного разбирательства. Ему плохо удавалось понять, почему судьи занялись «Коричневой книгой» – этим «подстрекательским сочинением, которое он уничтожает повсюду, где находит».

Со своего председательского места Бюнгер наблюдал эту сцену в полной растерянности. Он начал понимать, что это судебное разбирательство поставит точку в его карьере. На скамье подсудимых Димитров не скрывал своего удовлетворения. Геринг, еще не вышедший из приступа ярости, бросал на него угрожающие взгляды, пытаясь держать себя в руках. И вот обвиняемый Димитров принялся в свою очередь допрашивать министра-президента! И министр-президент был вынужден ему отвечать.

Начался невероятный диалог:

– Что вы делали, господин министр внутренних дел, в день 28 февраля и в течение последующих дней, когда так легко было обнаружить сообщников ван дер Люббе? – спросил Димитров.

– Я не сотрудник судебной полиции, я министр, – отвечал Геринг. – Для меня гораздо важнее заниматься делами партии, идеи которой движут миром, за что она несет ответственность.

Так он попал в сеть, расставленную Димитровым, перейдя к политической дискуссии. Несмотря на то что он был великим стратегом национал-социалистической партии, ему было не сравниться с мастером марксистской диалектики. В мгновение ока допрос обернулся лекцией по коммунистической пропаганде. Герман, выйдя из себя, брызгал слюной и постоянно оскорблял соперника.

– Ублюдок, – кричал он, – по вам веревка плачет!

Судья вмешался и напомнил Димитрову, что ему уже было запрещено заниматься пропагандой.

– Ограничьтесь вопросами, прямо относящимися к делу, – добавил он примирительным тоном.

– Спасибо, – ответил Димитров. – Я вполне удовлетворен ответами господина министра.

– Негодяй, – кричал Геринг, – негодяй, проваливай! Я еще до тебя доберусь!

Когда Димитрова выводили из зала заседаний, посреди всеобщей суматохи он повернулся к Герингу:

– Уж не боитесь ли вы, господин министр? Уж не страшно ли вам?..

Обвинение ван дер Люббе и остальных четверых подсудимых основывалось на том факте, что ван дер Люббе был коммунистом. Тем не менее в ходе судебного разбирательства обнаружилось, что если ван дер Люббе и был когда-то коммунистом, то вышел из компартии в 1931 году. Расследование, организованное уголовной полицией, это доказало.

23 декабря суд вынес приговор: ван дер Люббе был приговорен к смертной казни, остальные четверо подсудимых были оправданы. Мировая пресса широко комментировала события, немецкие эмигранты торжествовали. Несмотря на приказ свыше, судьи не смогли приговорить к смерти невиновных. Узнав о приговоре, Гитлер впал в один из своих приступов ярости, которых так боялись его подчиненные.

Геринг отказывался выпустить свою добычу. Он сказал однажды Димитрову: «Я до тебя доберусь». И он действительно до него добрался. Несмотря на оправдательный приговор, четверо коммунистических лидеров были заключены в тюрьму. Они были освобождены 27 февраля под давлением международного общественного мнения, все громче выражавшего свое возмущение. После выхода из тюрьмы Торглер был направлен в концлагерь. За свое освобождение он был вынужден заплатить переходом на сторону нацистов.

10 января было объявлено, что в лейпцигской тюрьме приговор ван дер Люббе был приведен в исполнение. В Германии многие сомневались в правдивости этого заявления. Утверждалось, что семья ван дер Люббе, в соответствии с законодательством, несколько раз обращалась с просьбой выдать им тело покойного, чтобы похоронить его в Голландии. Однако им не удалось получить от немецких властей такое разрешение. Становится непонятно, почему нацисты не могли избавиться от столь неудобного свидетеля в полном соответствии с буквой закона? Гестапо не любило оставлять следов.

На дымящихся развалинах рейхстага хочется написать латинское изречение: «*Is fecit cui prodest?*» («Кому это было выгодно?») Для нацистов этот пожар был провидением Господним, он был им необходим для оправдания репрессий, усиления роли гестапо и проведения своей предвыборной кампании.

Час спустя после обнаружения поджога Гитлер и Геринг наблюдали, как горит здание. Дильс сопровождал их по еще свободным от огня коридорам и докладывал, в чем преуспели его люди, принявшиеся за работу.

Завороженный языками пламени, Гитлер воскликнул: «Это знамение Господне! Никто не помешает нам теперь уничтожить коммунистов».

31 января Геббельс писал в своем дневнике: «На совещании у Гитлера были намечены основные направления борьбы с красным террором. На данный момент мы воздерживаемся от контрмер. Мы ударим в удобный момент, когда коммунисты начнут свою революцию».

Таким образом, чтобы приступить к контрмерам, следовало дожидаться, когда коммунисты «начнут свою революцию». Однако время шло, революция не начиналась, приближались выборы. И пожар, как подарок небес, произошел как раз за неделю до выборов. Доктор Геббельс сумел из этого события извлечь немалую выгоду.

22 февраля, за пять дней до пожара, Геринг подписал декрет о преобразовании СА во вспомогательные силы полиции. Без этих вспомогательных сил массовые аресты в ночь и на следующий день после пожара не удалось бы осуществить. Списки лиц, подлежащих аресту, были составлены заранее, и аресты требовали большой численности участников операции.

Еще один факт: пожар произошел в самый разгар предвыборной кампании. Гитлер, по своему обыкновению, принял в ней широкомасштабное участие. Его график выступлений, разработанный Геббельсом и 10 февраля переданный членам партии для ознакомления, был очень загружен. На каждый день у него было назначено выступление на собрании, ему нельзя было терять ни минуты из столь драгоценного времени. Однако удивительное дело – на 25, 26 и 27 февраля в его графике не назначено ни одного выступления, а 10 февраля все были оповещены о том, что 27 февраля фюрер нигде не будет выступать. Странное совпадение: как раз вечером этого дня рейхстаг и загорелся.

Что касается самого пожара: полицейские, первыми прибывшие на место пожара всего несколько минут спустя после его обнаружения, примерно в 21.15, были просто шокированы многочисленными очагами возгорания – от шестидесяти до шестидесяти пяти, разбросанными по всему зданию. Большинство из них, без сомнения, были произведены с помощью легко воспламеняющихся веществ; особенно столб огня, возносившийся до потолка в большом зале заседаний.

Консервативный еженедельник «Ринг», издававшийся Генрихом фон Глейхеном, членом «Геррен-клуба», в своем мартовском выпуске опубликовал статью, оканчивающуюся такими

вопросами: «Как это все возможно? Неужели мы действительно являемся нацией слепых баранов? Где искать авторов преступления, так уверенных в том, что они делают?.. Может быть, эти люди из высших немецких или международных кругов?»

После выхода этой статьи «Ринг» был запрещен, но подобные вопросы возникали у всех.

Геринг и Геббельс провозглашали на всех волнах, что поджог мог быть организован только коммунистами. На следующий день после пожара гестапо и крипо (криминальная полиция) устроили обыск в доме имени Карла Либкнехта, который служил штаб-квартирой коммунистической партии. Несмотря на то что это здание уже обыскивали много раз, занимавшие его коммунисты покинули свой штаб месяц назад, и дом охранялся полицией, тем не менее там снова нашли «многокилограммовые», как сказал доктор Геббельс, папки документов. Их содержание свидетельствовало о наличии плана насильственного захвата власти коммунистами. А сигналом к началу красного террора должен был послужить пожар рейхстага. На всех углах рассказывалось о подробностях этого плана, который не удался лишь благодаря мерам, предпринятым нацистами-патриотами. Однако тексты, уличающие коммунистов, так и не появились в печати, несмотря на многочисленные просьбы иностранной прессы, ни одна страница не фигурировала в ходе судебного разбирательства по поводу поджога рейхстага.

Чем же занималась полиция, расследовавшая обстоятельства преступления? В ее распоряжении были все протоколы обследования места происшествия, у нее в руках был один из поджигателей, пойманный на месте преступления. Но больше не поймали никого, кроме Торглера и троих болгар. А Дильс лично «руководил» расследованием вместе с Артуром Небе, ветераном уголовной полиции, автором солидного учебника по криминалистике. Их расследование топталось на месте или уводило в самые неожиданные места.

Между тем в странных слухах назывались удивлявшие всех фамилии, и их отголоски не могли не добраться до ушей гестапо.

Некий доктор Белл, имевший много друзей в рядах Национал-социалистической рабочей партии Германии, рассказывал любопытные вещи о ван дер Люббе. Так, он утверждал, что ван дер Люббе имел широкие связи со штурмовиками, а он сам знает истину о происхождении пожара. 3 или 4 марта в национальном клубе на Фридрихштрассе он рассказал о том, что ему было известно, одному из своих друзей из популистской партии. Тот, в восторге от полученной информации, написал многим своим товарищам письма, делясь откровениями доктора Белла. Одно из таких писем попало в гестапо. Доктор Белл тут же обнаружил за собой слежку, жутко испугался и решил искать убежище по ту сторону австрийской границы в Куфштейне, мирном маленьком городке. 3 апреля, когда он уже начал отходить от своих страхов, его прикончили штурмовики, специально прибывшие для этого из Мюнхена.

Не менее странная история произошла с доктором Оберфохреном, председателем группы немецких националистов в рейхстаге, который был весьма подробно осведомлен. Он также знал странные детали произошедшего дела, имел неосторожность написать записку о том, что ему было известно о подготовке поджога, и разослать ее своим знакомым. Один из ее экземпляров попал за границу и был опубликован во французских, английских, швейцарских газетах. 3 мая доктора Оберфохрена находят мертвым в своей квартире. Полицейский рапорт о его смерти квалифицировал это как самоубийство, чему противоречило заявление семьи покойного о том, что все личные бумаги покойного исчезли.

Позднее (после кровавой «чистки людей Рема»), 30 июня 1934 года, Крузе, шофер Рема, скрывшийся за границу, напишет маршалу Гинденбургу письмо, в котором сообщит, что поджог рейхстага был совершен одной из групп СА – доверенными людьми Рема, действовавшими при содействии Геринга и Геббельса.

Но все эти слухи не являются такими убедительными, как некоторые детали дела. Как можно было проникнуть в рейхстаг? Обычно использовались два входа: 2-й подъезд со стороны Симсонштрассе, открывавшийся только в дни заседаний, и 5-й подъезд со стороны набе-

режной. 27 февраля функционировал только он. Через эту дверь можно было попасть в вестибюль, перекрытый ограждением с находящимся за ним портье. Каждый посетитель должен был заполнить бланк, в котором он указывал фамилию нужного депутата, свое имя и причину визита. Курьер относил этот бланк депутату, и только с его согласия посетитель мог пройти в здание в сопровождении курьера, который провожал его к этому депутату. Кроме того, всех посетителей регистрировали в ежедневном списке посещений.

Каким образом семь – десять человек пронесли в здание объемную тару с воспламеняющимися веществами (следствием было установлено, что они должны были воспользоваться лестницей), миновав строгий контроль?

Однако из подвала рейхстага, где располагалась котельная, вела маленькая лестница, приводившая в подземный коридор. Он проходил под колоннадой, пересекал Фридрих-Эберт-штрассе и заканчивался в здании президентского дворца, который находился по другую сторону Фридрих-Эберт-штрассе. От подвала с котельной этот коридор отделялся дверью. Он был довольно широк; там были проложены рельсы, по которым на вагонетках доставлялся уголь из котельной рейхстага в президентский дворец. Преимуществом этой системы было то, что дворец председателя рейхстага имел бесплатное отопление. А этим председателем был не кто иной, как Геринг. Поэтому ему легко было провести даже целый взвод в помещение рейхстага.

Ходили слухи о том, что одним из поджигателей был начальник СА Эрнст вместе с Гейнсом, и граф Гельддорф также участвовал в экспедиции или по меньшей мере в разработке плана операции. Впрочем, Эрнст, однажды немало выпив, сам хвалился своим участием в деле. Проговаривались и другие. Некий Ралль, уголовник-рецидивист, арестованный через несколько недель после пожара за очередное нарушение уголовного кодекса, посчитал, что сможет выпутаться из своего положения, рассказав некоторые детали по поводу пожара рейхстага. Он попросил, чтобы следователь заслушал его как свидетеля «по другому делу».

«В феврале, – рассказывал он, – я принадлежал к личной охране Карла Эрнста и участвовал в поджоге рейхстага». И он продолжил свой рассказ, цитируя Геббельса и Геринга, называя фамилии участников и выдавая подробности операции, в то время как ошеломленный судебный чиновник записывал все данные в протокол допроса. Однажды вечером в феврале Эрнст вызвал десятерых штурмовиков из своей охраны, которым поручал самые деликатные поручения. Ралль был в их числе. Он передал им план внутренних помещений рейхстага. Целью операции был поджог рейхстага, о чем их сразу уведомили. Вечером дня, когда произошел пожар, около десяти часов, десять человек прибыли на машине к президентскому дворцу. Они спустились в подвал. Там они находились два или три часа, ожидая, когда Карл Эрнст даст им сигнал. Каждый из них получил квадратную коробку с зажигательной смесью и уже знал, что ему надлежит делать, поскольку они уже несколько раз отрепетировали все свои действия.

Во время этого долгого ожидания должна была осуществиться «какая-то другая операция», о которой им не было известно.

К девяти часам вечера наконец появился Эрнст и подал им ожидаемый сигнал. Десять человек прошли по подземному коридору, проникли в рейхстаг и рассыпались по пустому в этот час зданию, размещая зажигательные коробки. Через десять минут их операция была окончена, тем же путем они вернулись в президентский дворец.

Параллельная операция, завершения которой ожидали поджигатели, чтобы начать свою, не могла быть ничем иным, кроме «запуска» ван дер Люббе, предварительно психологически обработанного «своими друзьями». В тот момент, когда несчастный (вероятно, накачанный наркотиками) появился перед зданием рейхстага с карманами, набитыми спичками, взобрался на фасад парламента и разбил окно, штурмовики уже бежали по залам, разбрасывая свои коробки в условленных местах, чтобы потом укрыться в доме Геринга. Вне всякого сомнения, Геринг был уже введен в курс Геббельсом по поводу этой операции, нашел эту затею гениальной и дал на нее свое согласие.

Гизевиус, приводивший в своем рассказе детали, которые мог знать только человек на стратегической позиции, которую он занимал во время происходивших событий, сообщил, что, как только план операции был разработан, Геринг поручил Дильсу помешать следствию и устранить все непредвиденные осложнения.

Ралль и стал одним из непредвиденных осложнений.

Судебный чиновник Рейнекинг, который записал показания Ралля, был нацистом и убежденным сторонником режима. Он увидел возможность выслужиться перед высшими нацистскими чинами. Он считал, что Ралль рассказал правду – слишком много в его рассказе было правдоподобных подробностей, возможных обстоятельств, особенно тот – проверенный! – факт, что Ралль действительно в конце февраля принадлежал к охране Карла Эрнста. Рейнекинг по своему опыту умел хорошо разбираться в показаниях и свидетелях.

Он доложил о произошедшем своему начальнику. Оценив высокую важность дела, они решили обратиться в штаб-квартиру СА, откуда их направили в гестапо.

Гестаповцы забрали Ралля из тюрьмы Нойруппин под предлогом того, что им необходимы его свидетельские показания. Они переправили его в Берлин, в штаб-квартиру гестапо, где подвергли двадцатичетырехчасовому допросу.

Недолго медля во все концы понеслись гестаповские эмиссары. В Лейпциг они отправились перехватывать письмо, адресованное следователям Верховного суда, которое было написано следователем тюрьмы Нойруппин и посланное вместе с копией протокольной записи показаний Ралля.

Рейнекингу, моментально получившему в Нойруппине чин командира взвода, было поручено уничтожить оригинал протокола. Кроме того, гестапо провело обыск на дому у Ралля, у его любовницы и повсюду, где он мог оставить письмо или какие-то заметки.

Надежды Ралля оправдались – он обрел свободу. Полную свободу. Его труп обнаружили несколько дней спустя на поле, вывернутый крестьянским плугом при пахоте. Труп был зарыт всего на двадцать сантиметров глубины. Ралль был задушен.

Из этой информации можно сделать один вывод: роль гестапо здесь очевидна. Не составляет ни малейшего сомнения, что поджог рейхстага был осуществлен штурмовиками по инициативе гестапо, автором плана был Геббельс, а Геринг выступил сообщником.

А что же делал здесь ван дер Люббе? Несчастный был гомосексуалистом, что было установлено в ходе судебного процесса. Он нередко посещал ночные приюты, сомнительные берлинские ресторанички и знал многих представителей этого специфического сообщества, вращавшихся там.

Штурмовики наполовину состояли из гомосексуалистов: среди них процветала «мужская дружба». А подавал им пример глава генерального штаба СА – Рем. Берлинско-бранденбургское подразделение штурмовиков, к которому принадлежали поджигатели, было также заражено этим «вирусом». Окружение Эрнста, а может быть, и он сам, Гейнс и многие другие были частью этого «братства», среди них набирали личных охранников, шоферов и доверенных лиц. Благодаря своим тайным связям в этой среде голландец попал в круг внимания во время разработки планов поджога. Они сразу придумали, как его использовать. Этого дурачка, несомненно, морально обработали, разожгли его анархистские наклонности, убедили сокрушить символ общественной системы, которую он ненавидел. Подобно Герострату, Люббе швырнул в рейхстаг свой пылающий факел. Во время процесса он бормотал о том, что «там были и другие». От него не смогли добиться больше ничего; он впал в отупение, в котором врачи усматривали симптомы действия скополамина.

О существовании подземного хода известно Международной комиссии по расследованию обстоятельств пожара, находившейся в Лондоне. Во время процесса лейпцигский суд отправился в рейхстаг и спустился в тот проход. Он заключил, что поджигатели не могли про-

никнуть этим путем, поскольку ночные сторожа клятвенно заверили судей в невозможности преступников пройти здесь незамеченными.

Несчастный ван дер Люббе заплатил жизнью за то, что случайно оказался на пути поджигателей в коричневых рубашках. И он был не единственным. Большинство поджигателей пали под пулями своих сообщников: гестапо не любило свидетелей.

Поджог рейхстага и Лейпцигский процесс поместили нацистский режим, его методы и его деятелей под неумолимый свет прожекторов международного общественного мнения. Весь мир понял, что собой представляет их идеология, оценил их «мораль» и установил, что речь идет о самом страшном типе убийц. Из всего этого было нетрудно сделать очевидные выводы.

Однако все это требовало мужества. Гораздо легче было, закрыв глаза, предоставить убийцам продолжать террор. Ибо гестапо уже умело заставлять молчать слишком болтливых.

Через несколько лет Репке напишет: «Сегодняшняя мировая катастрофа – это гигантский счет, предъявленный миру, который остался глухим ко всем тревожным сигналам, все громче звучавшим с 1930-го по 1939 год и предвещавшим низвержение в ад, в который демоны от национал-социализма хотели ввергнуть сначала Германию, а потом весь мир. Ужасы этой войны являются теми же, которые мир наблюдал и допускал в Германии, поддерживая нормальные отношения с нацистами, организовывая вместе с ними международные праздники и конгрессы».

Часть вторая

Гестапо совершенствует свои методы 1934–1936 годы

Глава 1

Гиммлер получает руководство гестапо

1933 год закончился ударом по самолюбию Геринга, нанесенному во время процесса над «поджигателями» рейхстага. Для нацистов этот суд закончился провалом, нанес ущерб их престижу в Германии и тем более за границей.

Герман Геринг в качестве утешения получил от своего обожаемого фюрера 1 января 1934 года письмо с пожеланиями. Вспоминая путч 1923 года, реорганизацию СА, которой он руководил, его «первостепенную роль в подготовке 30 января» (взятие власти), письмо Гитлера заканчивалось «сердечной благодарностью за выдающиеся услуги, которые он оказал национал-социалистической революции, а значит, и германскому народу».

Несколькими неделями ранее он был вознагражден не столь платоническим образом: Комиссариат по авиации был преобразован в министерство авиации – гражданской, безусловно, однако оно было призвано тайно восстановить воздушную армию Германии, запрещенную союзниками. Геринг стал министром авиации и в связи с этим получил чин генерала рейхсвера – президента Гинденбурга убедили в том, что министру, имеющему под своим началом мощную воздушную армию, негоже быть капитаном.

В созданной Лиге воздушной обороны (руководителем был генерал в отставке Гримм) началась работа таких конструкторов, как Мессершмитт и Хейнкель. Ими руководил полковник Эрхард Мильх, которого Геринг знал в 1918 году военным летчиком в чине капитана, будущий генеральный инспектор люфтваффе, а затем маршал.

Геринг перестал так пристально следить за деятельностью полиции, поскольку процесс над ван дер Люббе отвлек его внимание полностью. Тем не менее он не собирался отдавать «свое» гестапо в чужие руки. Как он напишет в 1934 году: «Неделями я работал над преобразованием полиции, чтобы самому, по своему собственному желанию и своими собственными силами создать службу гестапо. Этот инструмент, внушающий глубокий ужас врагам государства, решающим образом способствовал тому, что теперь в Пруссии, как и во всей Германии, и речи нет о коммунистической или марксистской опасности».

30 января 1934 года, в годовщину взятия нацистами власти, полицейские службы специальным декретом перевели под юрисдикцию рейха; только их управление оставалось в ведении земельных властей, которые со времени введения рейсштатгальтеров превратились в архаичные, лишённые конкретного содержания структуры. Тем не менее они продолжают оплачивать работу полиции из своего бюджета до нового закона об организации, который выйдет в 1936 году.

Это «установление под контроль» было лишь административной формальностью: Геринг крепко держал свое творение.

Он был слишком горд своим произведением, чтобы его забросить; кроме того, ему нужно было сокрушить Рема, опаснейшего соперника, чья звезда неуклонно поднималась все выше. Герингу было необходимо передать гестапо в надежные руки. Благодаря принятым мерам он мог и далее пользоваться услугами тайной полиции. Декрет от 30 ноября 1933 года вывел

гестапо из подчинения прусского министерства внутренних дел и передал его в ведение министра-президента.

Весной 1934 года ему удалось перевести прусское министерство внутренних дел в подчинение еще одному из своих противников, министру внутренних дел рейха Фрику. Тот получил право давать политической полиции установки общего характера, но не конкретные приказания. Фрик потерял и эти жалкие полномочия весной 1936 года.

На самом деле в стране творилась полная административная неразбериха. Как министр Пруссии, Фрик подчинялся Герингу, но, как министр внутренних дел рейха, он мог давать директивы земельным властям, а значит, и самому Герингу, являвшемуся министром-президентом Пруссии! Такие дебри позволяли уклониться от любого контроля и так расплыть ответственность, что она становилась фиктивной. Простой немец, неспособный разобраться в этом лабиринте, перед властью оказался безоружен.

Геринг, сделавший «запоздалый» подарок Фрику, осуществил это, потому что поймал редкую птичку: серьезного союзника в борьбе против Рема. Этим человеком был Гиммлер.

1 апреля 1934 года Дильс подал в отставку. На этот раз Геринг жертвовал им без сожаления: был уверен, что человек, который получит бразды правления гестапо в свои руки, без труда превзойдет своего предшественника. Тем не менее Дильс осуществлял текущую работу до 20 апреля, до прибытия Гиммлера. После смерти Рема он был прикомандирован к начальнику штаба СА Виктору Лютце.

С этими перемещениями заканчивался «первый период» гестапо. Новый человек на месте руководителя этой службы с первого же дня наложил на гестапо свой отпечаток личности и придал ему собственный «стиль» и характер.

Устроившись на Принц-Альбрехтштрассе, 8, Гиммлер «завершил» операцию, начатую несколькими месяцами раньше.

В то время, когда Геринг создавал свое гестапо в Пруссии, Гиммлер, руководствуясь теми же принципами, решил укрепить свою власть, взяв на себя руководство политической полицией. Поскольку Пруссия была в руках конкурента, он решил ходить по другим клеткам «шахматной доски». В марте 1933 года его назначают начальником (префектом) полиции Мюнхена, месяц спустя он становится президентом всей баварской политической полиции. Тогда он осуществил своего рода распродажу мест, пользуясь полномочиями руководителя СС. Его люди подсказывали ему объекты захвата, а местным властям давали знать о выгодах, которые те приобретут, ставя своих друзей на вакантные посты. Борьба была яростной, поскольку руководители СА и политических организаций также добивались этих постов.

В октябре Гиммлер начал контролировать полицию Гамбурга, второго по численности города рейха и столицы независимой земли. Потом ему покорились Мекленбург, Любек, Тюрингия, великое герцогство Гессен, Баден, Вюртемберг и Анхальт. В начале 1934 года под его ведение перешли Бремен, Ольденбург и Саксония, где к нацистам были настроены враждебно. Весной он уже контролировал всю Германию, кроме Пруссии. И тогда он попросил Геринга уступить ему гестапо. Его поддержал Гитлер, который оценил аргументы начальника СС: «Справедливо, своевременно и необходимо бороться с врагами едиными для всего рейха методами». А Герингу было важно, что Гиммлер был, как и он, настроен против Рема. Он оценил стратегическое искусство, которое Гиммлер применил в своем быстром обретении власти. С союзником такого ранга дни Рема были сочтены.

20 апреля Геринг передал все руководство гестапо Гиммлеру. Однако он предпринял последние меры предосторожности: Гиммлер стал фактическим руководителем, а Геринг оставался руководителем юридически. Он сохранил этот пост, но чисто формально, до закона о реорганизации управления, вышедшего в 1936 году.

Будучи руководителем полиции многих городов и земель, Гиммлер физически не мог эффективно исполнять свои обязанности. Поэтому он частично переложил их на «замести-

телей», как это было принято в те времена. Это позволяло партийцам, занимавшим высокие посты, совмещать несколько должностей. Он отбирал их среди своих доверенных лиц из СС. В Мюнхене, а потом и во всей Баварии он назначил главой полиции особого персонажа – руководителя службы безопасности СС Рейнхарда Гейдриха. Когда Гиммлер достиг своей цели и устроился в Берлине, он немедленно назначил его руководителем центральной службы гестапо. Одновременно с этим он объединил в одно целое все политические службы полиции по всей стране. С этого момента гестапо вышло за пределы Пруссии и растянуло свои сети по всей Германии.

Назначение Гиммлера на пост руководителя гестапо не прошло без конфликтов. Когда стало очевидным, что Геринг собирается избавиться от Дильса, на его место нацелился серьезный кандидат: Курт Далюге, группенфюрер СС с востока. Он был вторым человеком после Гиммлера и его основным противником, назначенным Герингом генералом полиции. Он руководил всеми полицейскими службами порядка, то есть полицией, носящей униформу, а кроме того, службой безопасности на территории Пруссии и всего рейха. Геринг передал ему свои полномочия в этой области, и Далюге считал, что освободившийся пост шефа политической полиции принадлежит ему по праву.

Разгорелась скрытая борьба. Гитлер был весьма расположен к Далюге, однако он также благоволил и Гиммлеру. Кроме того, Далюге ходил в фаворитах у Фрика. Сей факт, а также склонность Далюге к излишнему формализму решили вопрос выбора.

Кто же был человек, которому досталось такое наследство?

Как и Геринг, он был родом из буржуазной семьи. Курт Генрих Гиммлер родился 7 октября 1900 года в Мюнхене. Его отец был когда-то наставником при баварском дворе, а мать – дочерью торговцев овощами из Савойи. Он провел свое детство и юность в маленьком баварском городке Ландсхут, где его отец был директором школы. Он был человеком строгим и авторитарным, не терпевшим отклонений от правил, установленных на века для урегулирования отношений между членами семьи и предполагавших безусловное преклонение перед властью, трудом и социальной иерархией. Семья Гиммлера была католической, и маленький Генрих, как и его братья, был воспитан в духе строгого соблюдения религиозных догм.

Это суровое воспитание давило на молодого человека и оставило на нем свой отпечаток. Он сохранил на всю жизнь уважение к некоторым ценностям, не отдавая себе отчета в том, что чтит только их внешнюю сторону.

В самые страшные времена нацистского режима, когда концентрационные лагеря станут гигантскими дробилками человеческих жизней, он повесит там плакаты с надписями: «Единственный путь ведет к свободе. Его долгие вехи – покорность, прилежание, честность, воздержание, чистота, самопожертвование, порядок, дисциплина и любовь к родине»².

Эти плакаты были не плодом цинизма, а неосознанной проекцией уроков баварского учителя – его отца, который жил в памяти сына, несмотря на моря крови, пролитые им.

В семнадцать лет Гиммлер был призван в армию. Он успел стать свидетелем крушения великой немецкой армии, ее генералов и офицеров, перед которыми он был научен преклоняться. Его короткая служба не дала ему никакой военной подготовки. Генерал-полковник войск СС Пауль Хаусер скажет впоследствии, что некомпетентность Гиммлера в военном деле была общеизвестна. «Все знали, – заявит он в Нюрнберге, – что Генрих Гиммлер был солдатом всего год и ничего не понимал в военных вопросах. Он недооценивал важность задач, стоящих перед военнослужащими, и их труд. Он любил строить из себя твердого человека, для чего использовал повелительное наклонение и превышение своих полномочий».

² Эта надпись была начертана на белом полотне, свисавшем с крыши главного здания концлагеря Дахау.

Молодого Генриха потряс социальный переворот, последовавший за падением Германской империи. Профессоров более не уважали, с офицеров срывали погоны, чествовали людей, произносивших речи, за которые раньше расстреляли бы.

Конец войны застал его в Берлине. Он влачил жалкое существование, работая то посыльным в щеточной мастерской, то служащим на фабрике по производству клея, но продолжал свои занятия агрономией.

Берлин в то время представлял собой «бурлящий котел», в котором варились самые опасные представители человеческого общества. «Нелегкая жизнь», безработица, экономическая и политическая нестабильность благоприятствовали развитию воровства и вооруженных грабежей, а преступники, занимавшиеся этим, были буквально неуловимы в неустойчивом столичном обществе. Вполне вероятно, что Гиммлер, потрясенный крушением общественных ценностей, уважение к которым было заложено в основу его воспитания, попал в этот воровской мир и прожил довольно долгое время в берлинской «клоаке».

Исследование этого периода жизни нацистских руководителей достаточно сложно; авторы, изучавшие историю Германии, лишь слегка затрагивают эту эпоху. Такие люди, как Гиммлер, Кальтенбруннер и Гейдрих, в течение пятнадцати лет, когда большинство полицейских служб принадлежало им как личное имущество, имели все возможности уничтожить компрометирующие их архивные документы. Весьма показательным является тот факт, что маленькая книжечка под названием «На тебя смотрят нацистские вожди», опубликованная в 1935 году в Париже на немецком языке Вилли Мюнценбергом и группой эмигрантов, предназначенная для нелегального распространения в Германии, разыскивалась и скупалась нацистами по всей Европе. Эта тоненькая брошюра содержала краткие биографии главных нацистских вождей, очень сжатые и неполные; нередко биографические справки сводились к нескольким эпизодам их преступной деятельности внутри партии, но они были весьма убедительны в своей краткости.

Как только немецкие войска вступили во Францию, это издание было внесено в так называемый список «Отто», составленный по изданиям, подлежащим уничтожению. Национальная библиотека сейчас владеет двумя экземплярами этой брошюрки, которые были спрятаны во время оккупации. Тем не менее экземпляр второго издания, выпущенного в 1935 году с дополнениями, был поврежден. «Кто-то» вырвал страницы, содержавшие биографическую справку о Гиммлере.

По словам Андре Гербе, молодой Гиммлер имел неприятности с полицией и правосудием при следующих обстоятельствах. В начале 1919 года он проживал в одной сомнительной гостинице в квартале Моабит на Ахерштрассе, 45, вместе с проституткой, девицей Фридой Вагнер, родившейся в Мюнхенберге 18 сентября 1893 года; она была на семь лет старше его. Имеется полицейский протокол, составленный 2 апреля 1919 года комиссаром Францем Штирманом с полицейского поста 456 на Шписсенгер–штрассе, о жалобах соседей этой пары, недовольных их непрерывными шумными ссорами. Молодой Гиммлер, как гласил протокол, существовал на доходы, добываемые своей сожительницей путем проституции. Частично Гиммлер и сам признался в этом. В начале 1920 года он внезапно исчезает в тот момент, когда Фриду Вагнер находят убитой. Был объявлен его розыск, и 4 июля 1920 года он был арестован в Мюнхене, а 8 сентября предстал перед уголовным судом Берлина – Бранденбурга по обвинению в убийстве. Гиммлер яростно защищался, и за отсутствием доказательств, поскольку бегство его служило лишь косвенной уликой, суд, к сожалению, вынужден был его оправдать.

В тот же период Гиммлер сводит знакомство с молодым человеком, тоже родом из зажиточной буржуазной семьи. Его звали Ганс Хорст Вессель, и он вел аналогичное существование в этой берлинской среде. Согласно рапорту комиссара полиции Курта Шиссельмана, он жил на Максимилианштрассе, 45 за счет сутенерства. 4 сентября 1924 года он был осужден берлинским судом к двум годам тюремного заключения за мошенничество. Выйдя из тюрьмы, Хорст

Вессель заинтересовался политикой и нашел в национал-социалистической партии своего старого друга Гиммлера, который во время его вынужденных каникул столкнулся с известными нам превратностями судьбы. Это было время, когда НСДАП присматривалась к преступному миру в поисках решительных ребят, которые впоследствии составят костяк штурмовых отрядов.

В 1929 году Хорст Вессель становится членом нацистской партии и вступает в СА. Вместе с группой завязанных бандитов, набранных его стараниями среди друзей с берлинского дна, он сформировал штурмовой отряд («Штурм-5») СА. Ему удалось после нескольких кровавых стычек одержать верх в одном из пользующихся дурной славой кварталов Берлина, до того момента занятого коммунистами. Сие достижение принесло ему звание почетного члена 5, 6 и 7-го берлинских штурмовых отрядов.

Хорст Вессель, однажды развлекаясь, написал проникнутые духом национал-социализма слова на мотив старой морской песенки. Эта песня станет гимном нацистской партии под названием «Песня Хорста Весселя» после смерти автора, погибшего вечером 23 февраля 1930 года в стычке за «право обладания» девицей в одном из притонов Берлина.

После прихода фашистов к власти Хорст Вессель занял свое место в пантеоне нацистских преступников, а его мать и сестра стали почетными участниками пропагандистских собраний.

После этого берлинского периода жизни молодой Гиммлер решает вернуться в отчий дом. В начале 1921 года он снова появляется в Ландсхуте. Отец устраивает его на маленькой ферме, чтобы он смог применить там свой сельскохозяйственный талант в выращивании птицы. Он настоятельно рекомендовал сыну держаться подальше от всяких политических движений. В это время вся Бавария, особенно Мюнхен, буквально бурлила. Гиммлер уже примыкал к молодежному движению, выступавшему за «обновление германского крестьянства», под названием «Артаманс», девиз которого – «Кровь, земля, меч» – представлял собой упрощенную формулу, впоследствии положенную в основу всех принципов СС.

Несмотря на отцовские советы, Гиммлер заинтересовался движениями, требовавшими покончить с веймарским режимом и с «ноябрьскими преступниками», виновными в позорном перемирии. Он примкнул к организации «Знамя империи», одним из руководителей которой был капитан Рем. В начале октября 1923 года в этом движении произошел раскол. Большая его часть последовала за капитаном Хейссом, а группа «ультра», симпатизирующая НСДАП, покинула ряды организации. Гиммлер был одним из 300 экстремистов, которые под руководством капитанов Рема и Зайделя образовали группу диссидентов «Военное знамя империи». Это движение, состоявшее из «непреклонных», приняло участие в путче 9 ноября. Гиммлер находился в головной группе во время знаменитого «марша», закончившегося плачевным образом перед Фельдэрнхалле. Но ему повезло, и он выбрался из перестрелки без единой царапины.

В период замедления деятельности НСДАП, последовавшего за провалом путча, он продолжал активно работать в различных группах, прикрывавших деятельность нацистов; некоторое время он был секретарем у Грегора Штрассера, занимавшего пост, который унаследовал от него в 1925 году Геббельс.

В конце декабря 1924 года он узнает о возвращении Гитлера в Мюнхен после освобождения из Ландсбергской тюрьмы. 5 февраля 1925 года Гиммлер написал ему письмо, чтобы рассказать, как надеются на него патриоты в их стремлении помочь Германии выйти из хаоса и занять место, которого она заслуживает. Тронутый этим письмом Гитлер, чьи сторонники за время его отсутствия разбрелись кто куда, ответил своему молодому поклоннику и пригласил его к себе. 12 марта Гиммлер постучал в дверь квартиры госпожи Райхтер на Тирштрассе, 41, которую она сдавала фюреру. Гиммлеру был вручен партийный билет № 1345. Гитлер решил тогда все начать сначала, но чтобы пустить пыль в глаза новичкам, нумерацию билетов начал с 500.

Гитлер был обрадован уважительными манерами и дисциплинированностью молодого человека: перед ним Гиммлер приобрел смиренное поведение, которое ему прививал отец. Он с благоговением ловил каждое слово Гитлера, который, как только перед ним оказывались какие-то слушатели, невольно впадал в политическое ораторство. По своему темпераменту Гиммлер был буквально предназначен на роль блестящего второго, верного и необходимого служителя. Амбиции толкали его вперед, однако его склонность к скрытности заставляла выбирать вторые роли. В отличие от многих нацистов, особенно из числа ветеранов, которые постоянно искали возможность устранить Гитлера, Гиммлер никогда не предпринимал попыток перехватить власть в свои руки. Как сказал о нем доктор Гебхардт, один из врачей-нацистов, знавший Гиммлера лучше всех, потому что они были знакомы с детских лет: он был «типичным вторым человеком, который брал на себя выполнение самых отвратительных и жестоких приказов по аналогии с высказыванием: Магомет улыбается, а калиф казнит».

В последующие месяцы у Гитлера появилась возможность оценить все достоинства новобранца. Молодой Гиммлер стал одним из самых примерных нацистов, участвуя в партийных мероприятиях. Он добился, чтобы его включили в число личной охраны Гитлера во время поездок, – прилагались новые усилия по пропаганде деятельности НСДАП, хотя формально она оставалась запрещенной.

28 февраля умер президент республики Эберт, и на президентских выборах 25 марта был выдвинут генерал Людендорф, кандидатуру которого Гитлер намеревался поддержать.

Это было сокрушительное поражение – Людендорф получил всего 1 процент голосов в борьбе со своим основным соперником фельдмаршалом Гинденбургом; но дни веймарского режима были уже сочтены. Во второй половине 1925 года деятельность нацистов активизировалась. Гитлер понял, что нужно поспешить с подготовкой партии к штурму республики законными средствами, поскольку ее строй уже подорван изнутри.

9 ноября 1925 года, в годовщину «славного патриотического марша» в Мюнхене, Гитлер решил создать охранные войска (Schutz Staffel), которые станут впоследствии известны под буквенным обозначением СС.

Эти «войска» возникли не стихийно: у Гитлера всегда была личная охрана. Она появилась из службы порядка, созданная сначала для собраний, чтобы затыкать рот оппонентам. С 1920 года пять человек входят в личную охрану Гитлера: лейтенант Бертольд, часовщик Эмиль Морис, торговец лошадьми Вебер, Герман Эссер и главный «живодер» Ульрих Граф. Последний стал личным телохранителем фюрера.

Тем временем в марте 1923 года шеф СА Клинич предпринял попытку создать для Гитлера личную охрану СА, которая постепенно разрослась и получила название штурмовых отрядов Гитлера. Для воссоздания бывших штурмовых отрядов, распущенных во время тюремного заключения Гитлера, были сформированы силы СС. Командование ими было доверено Юлиусу Шреку, а с начала 1926 года группа была прикреплена к СА, где составила специальное подразделение. СС оказались под руководством начальника штаба СА Франца фон Заломона.

В 1929 году между Гитлером и фон Заломоном возникли серьезные трения. Они привели к тому, что уже в следующем году последний был вынужден уйти.

Гитлеру стало понятно, что главой его охраны должен стать человек, преданный ему душой и телом. Злопыхатели утверждали, что Гитлер строил из себя султана. Этому султану были нужны янычары, и главным из них стал Гиммлер.

6 января 1929 года, когда Гиммлер возглавил силы СС, в их составе было лишь 280 человек, но это были испытанные люди. С самого назначения Гиммлер приложил все усилия, чтобы эта политика строгого отбора стала основой формирования этих групп. В отличие от Рема, воспринимавшего отряды лишь по их численности, Гиммлер выбрал политику «качества» кандидатов, чтобы превратить СС в элитные войска партии.

Это различие взглядов усилилось, когда Рем, возглавив СА в январе 1931 года, стал, по иерархии, начальником Гиммлера, потому что СС по-прежнему входили в СА. Глухая антипатия возникла между ними. Вскоре она переросла во вражду, а затем в яростное соперничество, что сыграло определяющую роль в решении Гиммлера захватить все полицейские службы.

Предпочтение Гиммлером серьезного и пристального отбора кандидатов стало результатом медленного, особенно вначале, пополнения рядов СС. С 280 человек в ноябре 1929 года численность отрядов СС выросла до 2 тысяч в 1930 году, до 10 тысяч – в 1932 году, до 30 тысяч – на момент взятия власти и до 52 тысяч – к дню, когда Гиммлер стал шефом гестапо. Это были смехотворные числа по сравнению с четырьмя с половиной миллионов штурмовиков, которыми располагал в тот период Рем.

Особо ценные эсэсовцы были расставлены их хозяином на ключевые посты. Изначально, когда Гитлер вошел в состав рейхсканцелярии, Гиммлер отобрал 120 безупречных, высоко-рослых и испытанных отважных парней, чтобы сформировать из них роту «Лейбштандарте Адольф Гитлер», предназначенную исключительно для охраны канцелярии. Это элитное подразделение просуществовало до последнего дня режима. Кроме того, ближайшее окружение Гитлера также состояло почти из одних эсэсовцев; Гиммлер расставил их повсюду в непосредственном окружении фюрера. Бригадфюрер СС Юлиус Шауб управлял личным имуществом Гитлера, бригадфюрер СС Штрек был его шофером. Личная безопасность фюрера обеспечивалась телохранителями СС под командованием бригадфюрера Раттенхубера и группой полицейских из гестапо, возглавляемой инспектором Хёглем. Эти люди никогда не оставляли Гитлера одного и сопровождали его во всех поездках. Гиммлера немедленно информировали о самом незначительном инциденте, о каждом посетителе, о любом разговоре. Никто отныне не мог приблизиться к фюреру без его ведома. Его охрана также входила в состав гестапо.

Наконец Гиммлер приступил к систематическому нападению на СА и Рема. Воздействуя на Гитлера по плану, аналогичному плану Геринга, он сообщал ему о бесчинствах, совершаемых штурмовиками в концлагерях; указывал на негативные последствия, привести к которым они могут. Отнюдь не методы, применяемые СА, шокировали его, а та беспорядочная манера, которую использовали штурмовики.

В марте 1933 года СС открыли свои собственные лагеря, затем постепенно Гиммлер полностью вытеснил «конкурента» и в начале 1934 года добился, чтобы все концлагеря полностью управлялись силами СС. Для этого он создал новое подразделение СС «Тотенкопф» («Мертвая голова»), сформированное исключительно для охраны концлагерей. Они злодействовали там так же, как их предшественники, превратив впоследствии лагеря в конвейер по уничтожению людей. Расходы на содержание лагерей ложились на плечи земель, и в общем бюджете рейха соответствующие статьи появились лишь в 1936 году.

Создание специальных войск СС «Мертвая голова» показывало, что концлагеря становились национальным учреждением. И ни один судебный или административный орган, ни одно германское должностное лицо, тем более министр юстиции Гюртнер – ни один голос протеста не прозвучал против этого чудовищного беззакония, когда конституция еще действовала. Опираясь на этот механизм, можно было арестовывать и сажать в лагеря тысячи и тысячи людей без предъявления им обвинения, без суда и следствия, держать их в заключении, как выразился Геринг, «до тех пор, пока над ними не сжалится фюрер». Постоянные уступки позволили быстро распространиться нацистским методам.

Гиммлер уже имел большую власть, когда воцарился на Принц-Альбрехт-штрассе, 8, откуда, как из центра гигантской паутины, он присматривал за всей Германией.

1 января он обратился к членам СС с недвусмысленным сообщением: «Одна из неотложных задач, выпавших на нашу долю, состоит в том, чтобы раскрыть всех тайных и явных врагов фюрера и национал-социализма, разгромить и уничтожить их. Чтобы выполнить эту задачу, мы готовы пролить не только свою кровь, но и кровь других людей».

«Тело несет на себе печать внутреннего содержания, которое им движет», – писал в начале XVIII века ясновидец-теософ Якоб Бёме. Эта кристальная краткость весьма убедительна. Да, убийцы часто отмечены печатью зверства. Многие из нацистских руководителей соответствуют этому правилу: у Рема была голова маньяка, физиономия Бормана внушала ужас, у Кальтенбруннера и Гейдриха на лицах было написано, что они убийцы. Гиммлер явил нам лицо гладкое, но безнадежно банальное.

Это был человек среднего, даже скорее высокого роста, достаточно хорошо сложенный. Лицо его было округлым, виски и лоб уже начали лысеть, когда ему еще не было тридцати трех лет – в этом возрасте началась его карьера полицейского. У него была внешность маленького клерка, скромного счетовода или мелкого торговца: крошечный безвольный подбородок указывал на отсутствие силы духа. Это невыразительное, обрамленное торчащими ушами лицо перечеркивали небольшие усики, а извечная улыбка придавала ему торгашеский вид.

И только две черты Гиммлера вызывали смутную тревогу: очень тонкие, бескровные губы и серо-голубые глаза, взгляд которых, удивительно цепкий, стальной, немного скрывало пенсне в круглой оправе. Он знал, что этот взгляд его выдает, и поэтому всегда держал голову слегка склоненной к правому плечу, чтобы сверкание стекол его пенсне скрыло пронзительный взгляд от собеседника, который мог стать жертвой. Его шея поражала людей – кожа на ней была дряблой и морщинистой, как у старика. Руки Гиммлера были тонкими и изящными, почти женственными, с белой прозрачной кожей, сквозь которую проступали голубые вены. Когда он говорил или слушал, то клал их на стол в странной неподвижности.

Эти невыразительные руки сочетались с выражением лица, которое он придавал себе, – неподвижным и необъяснимым.

Позже все его подчиненные подтвердят, что Гиммлер никогда никого не хвалил и не ругал. Его приказания были в большинстве своем нечеткими. Он любил, чтобы люди сами догадывались о том, как удовлетворить желания своего шефа, чьи планы становились им ясны лишь со временем. Он любил таинственность; все его замыслы были проникнуты ею. Она представляла собой неукоснительное правило, нарушители которого карались с исключительной суровостью, иногда смертью.

Он обладал редкой работоспособностью. Рабочий день его начинался в восемь утра и заканчивался поздней ночью, нередко в два часа. Он работал везде и без передышек. В поездках его повсюду сопровождал секретарь, записывавший под диктовку письма и другие тексты. Он постоянно поддерживал радиосвязь с центральной службой гестапо и требовал, чтобы аппаратура всегда содержалась в идеальном порядке. О любых сообщениях, обо всей важной корреспонденции ему обязаны были докладывать. Каждый документ Гиммлер тщательно изучал и делал на полях заметки зеленым, цвета молодой растительности, карандашом. Со свойственной ему педантичностью на каждом прошедшем через его руки документе он ставил буквы GEL³, сопровождаемые датой и подписью – двумя буквами «Г», связанными между собой и перечеркнутыми горизонтальной чертой. В выборе серо-зеленого карандаша отражается суть его личности. Геринг, честолюбивый и хвастливый человек, помечал свою корреспонденцию ярко– красным цветом. Маленькие, но красноречивые детали!

Когда Гиммлер не находился в частых разъездах (включавших инспекционные поездки, проводимые им без предупреждения), его долгий рабочий день прерывался только на прием пищи. Ел он почти всегда в офицерской столовой СС или гестапо, а иногда в ресторане. Ему случалось приглашать позавтракать очередного посетителя, довольно часто он предлагал пообедать вместе руководителям служб. Он показал себя гостеприимным хозяином, красноречивым и веселым собеседником. Даже находясь на вершине славы, исполняя бесчислен-

³ Сокращение от слова Gelesen – прочтено.

ные важные функции, он оставался весьма непритязательным в своих по– требностях, будучи одним из самых могущественных людей нацистского режима.

У него были добрые и верные друзья, многие из которых были друзьями детства, продолжавшие называть его Гейни, как в те времена, когда они вместе ходили в школу его отца. Эссэовцы уважительно и с любовью называли его Рейхс-Гейни. Это было одним из самых поразительных моментов: убийцы, на чьих руках была кровь тысяч детей, взращивали цветы дружбы, называя друг друга уменьшительно-ласкательными именами, вспоминая запахи фиолетовых чернил и мела, которыми они вместе дышали в стенах старой баварской школы. Гиммлер вовлек в свое дело многих старых товарищей. Его друг детства врач Гебхардт станет одним из ответственных руководителей научных опытов; баварские функционеры, знакомые ему по работе в мюнхенской полиции, также последовали за ним в берлинское гестапо. Все они верили в его звезду: у него был бесспорный дар убеждения. «Когда он говорил, то верил своим словам, и им верили все, кто его слушал», – скажет позднее Гебхардт.

Гиммлер почти не жил дома; казалось, что у него не было личной жизни: все его существование полностью проходило в рамках СС и гестапо. Было похоже, что он существовал только ради этих двух чудовищных детищ. Тайная боль скрывалась за его спокойной внешностью. Гиммлеру не везло в семейной жизни. Он женился на медсестре Марге Куцерцевой, уроженке Бромберга, которая была старше его на семь лет. Она работала в одной крупной берлинской клинике в период, когда разложение столичного общества достигло крайних пределов. Ей пришлось наблюдать столько подпольных операций, столько воровства и спекуляций, что она прониклась глубокой неприязнью к врачам. Но она возлагала большие надежды на лечение травами и эту веру передала своему мужу. На деньги своей жены Гиммлер обзавелся фермой по разведению кур в местечке Трудеринг близ Мюнхена. Дело не пошло, и по совету жены он занялся выращиванием лекарственных трав. Со всей страстью он окупился в изучение средневековых трактатов о лекарственных травах, но коммерческого успеха не добился. Этот факт не отбил его страсти к целебным травам; позднее он заставил выращивать их узников концлагерей.

Возможно, эти неудачи стали причиной разногласий между супругами. Жена презирала Гиммлера. Даже рождение дочери Гудрун в 1928 году ничего не поправило. По словам доктора Гебхардта, Гиммлер страдал частичным половым бессилием и «никогда не мог превозмочь этого внутреннего конфликта». Он всегда был против развода – из-за дочери, как он говорил, хотя, несомненно, причиной было строгое религиозное воспитание, полученное в детстве.

Позднее он познакомился с другой женщиной и жил с ней. У них было двое детей, мальчик и девочка, воспитанных кормилицей в Хохенлихене, где они появились на свет.

Эта двойная жизнь часто создавала для Гиммлера финансовые трудности и заставляла его делать долги. Он был, пожалуй, единственным из высших нацистских руководителей, чьи полномочия не обогатили его, несмотря на его могущество и возможность взяточничества, которое процветало в партийном аппарате. Он презирал Геринга, который во время войны пустился в разные махинации, пользуясь своим высоким положением в управлении делами государства и партии.

Гиммлер не был хорошо образован. Он был романтиком, придавшим своеобразную направленность созданным им службам, а следовательно, всей организации Третьего рейха. Он верил в магнетизм, месмеризм и гомеопатию, в сомнительную теорию евгеники, в ясновидцев, гипнотизеров и ведьм, которых ввел в свое окружение, и часто не отваживался принимать решение, не посоветовавшись с ними. Поначалу многие нацистские руководители разделяли его увлечения, посещая берлинский салон мага Хануссена, который предсказал поджог рейхстага.

Гиммлер глубоко уважал военную дисциплину. Как рассказывал Гебхардт, «он придавал почти историческое толкование старому военному правилу: отданный приказ нужно выпол-

нить тотчас». Он превратил это правило в абсолютную догму для своих служб, что сделать было несложно: простые люди Германии еще не успели перейти от рабского мышления к буржуазному и вошли в царство Третьего рейха подобно лунатикам. Его романтизм заставил его преклоняться перед германским императором Генрихом I Птицеловом (Генрихом Саксонским). Он восхищался организацией его рыцарства, благодаря которому этот монарх сумел основать новые города, прогнать датчан, разбить венгров, покорить славян и венедов. Повышенный интерес Гимmlера к расовым вопросам сыграл основную роль в организации СС. А церемония принесения присяги молодыми эсэсовцами происходила в полночь при свете факелов в кафедральном соборе Брюнсвика перед гробницей Генриха Птицелова.

Анализ личности Гимmlера, проведенный доктором Франсуа Балем, показал, какие черты доминировали в личности Гимmlера: врожденная неспособность к развитию общих идей, заставлявшая его замыкаться в рамках системы; огромное рвение и злая воля в форме остервенелого упрямства, выраженные в рьяной трудоспособности; полное отсутствие оригинальности и чувствительности, результатом чего стало почти механическое мышление, что можно рассматривать как патологию. На этом фоне видны отсутствие здравого смысла, доведенные до абсурда амбиции, нехватка интуиции, которая не может компенсироваться интеллектуальным воспитанием, ненормально развитый эротический инстинкт, обуславливавший сильную потребность в ласке и дружеском окружении, парадоксальным образом сочетавшийся с глубоким эмоциональным безразличием.

Гитлер, как спаситель, сумел открыть в нем дух системы. Разглагольствуя и стуча кулаками, Гитлер выдвигал энергичные и удивительно простые решения. Особенный отклик в склонной к упрямству душе новообращенного рождался в ответ на уверенность и напор фюрера. А когда Гитлер с захватывающей аудиторию убежденностью обращался к вопросам расы и чистоты крови, это задевало самые чувствительные струны в душе Гимmlера. Он издавна увлекался этими проблемами и считал, что еще в годы учебы в агрономическом училище сумел дать научную форму идеям расового отбора у животных, обуревавшим его позже уже на уровне человека. Птицевод полагал, что люди (для их же блага) могут быть подчинены правилам рационального птицеводства. Его научили, что в птичнике или скотном дворе следует устранять нерентабельных особей, поэтому он находил весьма рациональным утверждение Гитлера: «Мы все страдаем от изъянов нечистой крови. Все, кто не произошел от полноценной расы, ничто». Или: «Более сильное поколение отсеет слабых, жизненная энергия разрушит нелепые связи так называемой гуманности между индивидуумами и откроет путь естественному гуманизму, который, уничтожая слабых, освобождает место для сильных». И еще: «Жалость может принести нам лишь раздор и деморализацию».

Когда Гитлер объявил, что национал-социалистическое государство применит эту теорию на практике, Гимmlер с восторгом принял это заявление. Как только ему представилась возможность, он принялся воплощать эти идеи в жизнь. В его душе неизгладимым образом отпечатались слова Гитлера: «Кто видит в национал-социализме только политическое движение, тот ничего в нем не смыслит. Это даже больше, чем религия, это воля к новому человеческому творчеству. Без биологической основы и биологической цели политика сегодня совершенно слепа».

И далее: «Я освобождаю людей от рамок разума, лишь отягчающего жизнь; от грязных и унижительных миазмов беспочвенных мечтаний; так называемой совести и нравственности; от требований свободы и личной независимости, которыми могут пользоваться лишь немногие».

И наконец: «После столетий стенаний о защите бедных и униженных наступило время, чтобы мы решили защитить сильных от низших... Естественные инстинкты повелевают всем живым существам не только одолеть своих врагов, но и уничтожить их. В прежние дни победитель обязан был уничтожать целиком племена и народы».

Вскоре Гимmlер воплотит эти слова вплоть до последней буквы.

Глава 2

Черный орден Гиммлера

Гиммлер мечтал о возрождении рыцарства и о поле деятельности по биологическим экспериментам для применения его «принципов крови». Служба СС позволила ему это осуществить. Она же наложила явный отпечаток и на гестапо.

Он был рейхсфюрером СС, то есть высшим руководителем эсэсовских отрядов всего рейха, и СС действительно останется «его вещью», его личной собственностью до последнего дня существования режима.

Чтобы понять механизм действия нацистской административной машины, где переплетение различных иерархий достигло невообразимой сложности (иерархии государственных служащих и верхушки регулярной армии, иерархии партии и особой иерархии СС), необходимо разобраться в том, что конкретно представляла собой эта организация, проникшая во все органы и звенья не только партии, но и государственного управления; не только общественных институтов, но и частных предприятий. Примерно с 1940 года все сколько-нибудь важные деятели режима, все полицейские чиновники и руководители крупных служб принадлежали к СС или получили в ней в качестве поощрения высокие чины.

Идеология и основные принципы СС постепенно проникли во все сферы деятельности германского народа, а все руководящие посты оказались в руках людей, которые из-за своей принадлежности к СС находились под контролем Гиммлера. Он установил два основополагающих принципа СС: расовый отбор и слепое повиновение.

Фарс расового отбора был озвучен псевдонаучными формулировками во вкусе великого магистра ордена. Для страны, где на протяжении веков происходило смешение многочисленных и очень разных народов, подвергавшейся нашествию многих племен, в частности славян, оказавших мощное воздействие на население германских земель до самой Эльбы, для такой страны догма «чистой нордической крови» могла быть только издевательством. Но никто в Германии, казалось, этого не замечал, по крайней мере, ни у кого не хватило смелости громко об этом заявить.

Расовые высокопарные декларации забавляли простой народ, который насмеялся над ними, называя доктора Геббельса, этого уродливого карлика, «усохшим германцем». Показательным является то, что, когда получили развитие генеалогические изыскания, Гитлер запретил любые исследования, касающиеся его происхождения.

По утверждениям его оппонентов, оно не было кристально чистым.

Гиммлер хотел превратить СС в новый рыцарский орден, который стал бы надежным фундаментом нацистского рейха. В собственноручно подписанном в Мюнхене приказе от 31 декабря 1931 года он так определял понятие СС: «Организация СС есть союз специально отобранных нордических немцев... СС сознает, что данным приказом закрепляется сделанный ею значительный шаг вперед. Нас не трогают насмешки, ирония, недоговоренности: нам принадлежит будущее».

Расистские принципы, составлявшие одну из главных основ нацизма, позднее оправдают избиение низших народов, уничтожение миллионов людей и превращение многих других в рабов, приведут к принятию в 1935 году нюрнбергских законов, определявших требования к гражданину рейха. Отныне германское гражданство было связано с определенными этническими признаками и предоставлялось только «фольксгеноссе», тем жителям Германии, которые могли доказать, что по меньшей мере трое из их предков принадлежат к пяти расам, отнесенным к германским. Только такие граждане могли пользоваться политическими правами.

Именно тогда стали придавать значение переменам, которые нацизм привнес в шкалу ценностей западного мира. После победы христианства и утверждения его влияния в форми-

рующихся обществах считалось, что при всех формах социальной организации люди имеют одинаковые права и обязанности. Эти братство и равенство – как следствие общего для всех божественного творения человека – сохранялись в светских обществах и оказались на первом месте в Декларации прав человека. Марксизм, отбрасывая Бога, сохраняет те же принципы.

Нацизм же основывается на революционном утверждении человеческого неравенства. Он возводит в постулат идею о том, что люди во многом отличаются друг от друга, но не по своим знаниям, силе или другим приобретенным качествам, а по факту их происхождения. Существуют высшие люди – нацисты на самом вершине общества, а в его низу – недочеловеки, принадлежащие к низшим расам. Между ними существует большое количество промежуточных уровней, которые оцениваются с помощью псевдонаучных приемов. Этот постулат опирается исключительно на политику силы и ряд примитивных утверждений, которые не могут быть предметом научной дискуссии, зато служат основанием для попытки уничтожения недочеловеков.

СС и особенно гестапо стали исполнителями воинствующих расистских идей нацизма. Их правила, в которых Гиммлер хотел возродить традиции рыцарства, были весьма примитивны. Прежде всего следует назвать известную клятву, приносимую молодыми кандидатами в обстановке театрализованной мизансцены: «Я клянусь тебе, Адольф Гитлер, фюрер и канцлер рейха, в своей верности и храбрости. Я торжественно обещаю тебе и тем, кого ты назначил мне в руководители, с Божьей помощью повиноваться до самой смерти». Эта клятва слепого повиновения заставляла эсэсовцев без малейшего колебания совершать чудовищные преступления.

«Моя честь – это моя верность». Таков был «гордый девиз» эсэсовцев, являвшийся, по сути дела, повторением клятвы о слепом повиновении и верности фюреру, руководителям СС и своим товарищам по этой организации, а не уважением традиционных правил морали. Честь эсэсовца, вопрос о которой так часто затрагивался в речах идеологов этого движения, не только не препятствовала, а, напротив, предписывала убивать детей, женщин, стариков. Во имя этой дикой чести детей, прибывающих в Освенцим, вырывали из рук матерей и отправляли в газовые камеры, а в дни массовых поступлений заключенных, чтобы не тратить много времени, их бросали живыми в канавы, наполненные горящим бензином.

Честь, верность – замкнутый мир нацизма извратил привычные понятия, изъяв из этих слов их первоначальный смысл. То, что понимают под этим нацисты, Гиммлер высказал в своей речи, произнесенной 4 октября 1943 года в Познани на собрании группенфюреров СС: «Для члена СС должен существовать один безусловный принцип: честными, порядочными, верными мы должны быть по отношению лишь к представителям нашей собственной расы и ни к кому другому. Меня несколько не интересует судьба русского или чеха».

Это и было применением теории «расы господ», столь милой сердцу Гитлера с самого начала нацистского движения.

В отряды СС, которые должны были сформировать аристократию будущего мира, люди отбирались по принципу крови. Ценность человека Гиммлер определял его расовой принадлежностью: «Только совершенная кровь, творческая сила которой была подтверждена историей, – нордическая кровь должна быть взята в расчет. Я сказал себе, что если мне удастся отобрать для этой организации максимальное количество людей с такой кровью, привить им военную дисциплину и убедить их со временем в ценности этой крови и связанной с ней идеологии, то станет реальным создание элитной организации, способной выдержать любые испытания».

Для отбора владельцев этой столь ценной крови кандидатов подвергали строгим и скрупулезным проверкам. «Их изучают и экзаменуют. Из 100 человек нам годятся лишь от 10 до 15, не больше. Нам нужно политическое досье их родителей, братьев и сестер, их генеалогическое древо до 1750 года; конечно, мы подвергаем их физическому испытанию, а помимо этого проверяем их учетную карточку членов гитлерюгенд. Они обязаны также представить справку

о наследственности, в которой подтверждалось бы отсутствие наследственных болезней у их родителей и в их семье».

Конечную цель этих проверок Гиммлер представил так: «Мы хотим сформировать высший класс, который будет доминировать в Европе веками». Однажды Гиммлер сказал, что будущий рейх, который к тому времени охватит всю Европу, будет организован по образцу античных обществ: элита, представляя 5—10 процентов населения, будет господствовать над остальным обществом, заставляя работать на себя огромную массу рабов и крестьян. И действительно, во время оккупации Германией большей части Европы, нетрудно было убедиться, что нацистский режим был фактически рабовладельческим.

Будущие «господа», эсэсовцы, имели особые права. Во время принятия присяги они получали кинжал с аббревиатурой «СС». Этот кинжал, говорили им, предназначен для того, чтобы смыть кровью нанесенное им оскорбление, если они сочтут, что задета их честь. В 1935 году декретом Гиммлера было закреплено это право (и даже долг), а в специальном решении Верховного суда было уточнено, что эсэсовец «имеет право воспользоваться оружием, даже если противник может быть остановлен другим способом». Право безнаказанного убийства стало, таким образом, прерогативой СС.

В сентябре 1939 года один из эсэсовцев, охранявших группу из 50 заключенных-евреев, после окончания рабочего дня для забавы перестрелял несчастных одного за другим. Был составлен протокол, но убийца не получил наказания, поскольку, как отмечалось в донесении, его принадлежность к войскам СС делала его «особо чувствительным к виду евреев», и посему он действовал «совершенно неосмысленно, подталкиваемый юношеской склонностью к приключениям». Вполне возможно, что одаренный представитель элиты получил внеочередное повышение.

Для большей безопасности эсэсовцы были исключены рядом декретов из общей юрисдикции. Все их дела передавались внутриведомственным органам правосудия, и за свои поступки они отвечали лишь перед трибуналами СС.

В начале своего господства фашисты ограничились принятием 2 февраля 1933 года закона, позволяющего правительству остановить любое расследование, прервать рассмотрение дела судом на любой стадии. Однако этот способ представлял определенные неудобства. 17 октября 1933 года двое заключенных лагеря Дахау «покончили жизнь самоубийством» в своих камерах. Дирекция лагеря указала, что они повесились на собственных ремнях, однако семьи погибших обратились в прокуратуру Мюнхена: два судмедэксперта произвели вскрытие и обнаружили, что несчастные были жестоко избиты, а затем задушены. Многочисленные кровоподтеки на голове и теле не оставляли места для сомнений: у обоих на шее были явные следы удушения, а не повешения. Да и ремни, которые якобы служили для самоубийства, не были представлены.

Все эти события произошли до того, как об обстоятельствах дела стало известно высшим властям. Когда Рем, формально руководивший войсками СС, поскольку они еще не были отделены от СА, был введен в курс дела, он подготовил записку, где говорилось: «Лагерь Дахау является лагерем политзаключенных и лиц, интернированных в предварительном порядке. Инциденты, о которых идет речь, носят политический характер и при всех обстоятельствах должны разрешаться в первую очередь политической властью. Мне кажется, что, учитывая их характер, они не должны рассматриваться судебными властями. Таково мое мнение как начальника штаба и имперского министра. В качестве одного я заинтересован в том, чтобы рейх не терпел политического ущерба от принятых у нас процедур. Я добьюсь от рейхсфюрера СС издания приказа, согласно которому никаким следственным властям не будет открыт доступ в лагерь, и ни один из заключенных не будет подвергаться допросам».

Министр внутренних дел потребовал прекратить расследование. Он обосновал это тем, что «данные расследования нанесли бы большой ущерб престижу национал-социалистиче-

ского государства, так как они были бы направлены против членов СА и СС, а значит, против СА и СС – организаций, являющихся главными устоями национал-социалистического государства».

27 сентября прокуратура прекращает дело, «поскольку расследование показало, что не имеется достаточно убедительных доказательств того, что смерть означенных лиц последовала по внешним причинам».

Все улаживалось, но 5 декабря государственный министр юстиции предписал возобновить расследование и довести его до конца: «Факты должны быть прояснены как можно скорее... Если же возникнут попытки их скрыть, они должны быть пресечены надлежащим образом».

Досадный момент, но при ограниченности средств судебного расследования в среде СС это не могло быть серьезной опасностью. Все, что могло случиться, – «посторонние», используя эти прискорбные инциденты, могли поближе приглядеться к «частным» делам СС и узнать некоторые приемы, которые не следовало предавать огласке. Это явилось одной из причин создания собственной юрисдикции СС. Начиная с этого момента СС превратилась в замкнутый мирок, внутрь которого никто не мог проникнуть.

Гиммлер занимался неприкасаемыми эсэсовцами как высококачественным человеческим материалом, идеально подготовленным для его экспериментов. В нем снова ожил птицевод, наблюдающий за чистотой селекции. Эсэсовец не имел права жениться без разрешения свыше. Невеста должна была доказать свое арийское происхождение начиная с 1800 года, если она желала выйти замуж за рядового эсэсовца или младшего офицера, и с 1750 года, если ее суженым был офицер. Только центральное штатное управление имело право утвердить представленные доказательства и дать необходимое разрешение на брак. Кроме того, девушка должна была пройти несколько медицинских осмотров и физических испытаний. Требовалось выяснить, способна ли она обеспечить потомство, достойное «расы господ». После свадьбы молодая жена обязана была получить образование СС в специальной школе, где преподавались политические дисциплины и «идеология, вытекающая из понятия расовой чистоты». Она проходила также курсы домашнего хозяйства, воспитания детей и т. д. Целью было добиться создания за несколько лет постоянно увеличивающегося контингента индивидов, строго одинаковых физически и психологически.

Система Гиммлера нашла свое идеальное воплощение в создании «источников жизни» («лебенборн») – своего рода племенных заводов для людей, где девушки, отобранные по нордическим признакам, и эсэсовцы, выбранные по тем же критериям, производили на свет идеальное потомство вне рамок законного брачного союза. Дети после рождения принадлежали государству, а их воспитание осуществлялось в специальных школах. Теоретически они должны были составить первое поколение чистых нацистов, сформированное с самых истоков. Крушение фашистского режима не позволило продолжить этот эксперимент. Однако в этих заведениях 50 тысяч детей успели появиться на свет. Их интеллектуальный уровень был значительно ниже среднего; процент умственно отсталых среди них в четыре-пять раз превышал норму. Нацистские евгенисты игнорировали то, что хорошо знают психологи «деградирующих» стран и «вырождающихся» рас: самое совершенное заведение для «выращивания» детей не может сравниться с матерью, даже посредственной. Идеология и биология не могут заменить материнской любви.

Биологические эксперименты Гиммлера над эсэсовцами проявлялись и в других формах. Птицевод считал, что пища оказывает влияние на анатомические и психологические черты людей. Поэтому в казармах СС утренний кофе был заменен завтраком древних германцев: молоком и кашей. В качестве питья при еде эсэсовцы получали минеральную воду, а их меню было «научным образом» рассчитано евгенистами партии. В казармах СС проводились опыты по гипнотерапии. Некоторых руководителей подвергали опытам по массажу нервной системы.

Одним словом, с эсэсовцами обращались как с дорогими подопытными кроликами, а они, не чувствуя себя оскорбленными методами, низводившими их до уровня лабораторных крыс, прониклись величайшей гордостью. Ведь из них создают сверхчеловеков, которые будут презрительно смотреть свысока на все остальное человечество.

Для членов этой новой преторианской гвардии одним из главных достоинств была «великолепная военная выправка», исходя из устоявшихся прусских традиций. Все в них было слепком с этой модели: высокомерная спесь, жестокость отношений, непреклонность, крайняя самоуверенность, сознание своей силы, доведенное до абсурда. Их отмечали «кастовая гордыня, выдрессированный садизм и казарменный мазохизм, сложившиеся за двести лет прусского господства», как писал Когон. И далее он отмечает: «Критическая мысль, предполагающая способность сравнивать и отличать и поэтому требующая повышения уровня знаний, вредила бы, по их мнению, эффективности их действий, делала бы их «анемичными», казалась им деморализующей, опасной, коварной, «еврейской». Здесь действует то же старое армейское правило: «никогда не пытаться понять».

Права, которые им предоставляли (например, право решать вопрос жизни или смерти своих современников, которое им вменялось «в порядке защиты своей чести»), а также терпимость, с какой к ним относились власти, лишь усиливали их уверенность в собственном превосходстве. Что касается законности их действий, она даже не ставилась под вопрос; в этом никогда не было ни малейшего сомнения.

В таких условиях могло ли быть что-то иначе? Вся традиционная элита Германии закрывала глаза на самые преступные акты нацистов и покрывала их своим молчанием. Эта элита влилась в систему и согласилась сотрудничать с новыми властями. Как только Гиммлер возглавил СС, он изо всех сил стремился вовлечь в ее ряды аристократов, всегда обладавших большим престижем, знатных лиц, некоторых видных военных. Вступление в ряды СС бывших офицеров из добровольческих отрядов, считавшихся национальными героями, произвело определенный резонанс. Начиная с 1928 года представители ряда известных фамилий стали вступать в НСДАП. Еще до 1933 года в «Черный корпус», как называли тогда СС, вошли такие аристократы, как князь Вальдек и наследный великий герцог Мекленбургский. После взятия нацистами власти в СС примчались и многие другие: князь Гогенцоллерн-Зигмаринген, наследный герцог Брауншвейгский, наследный принц Липпе-Бистерфельд, генерал граф фон Шуленбург. Среди них оказался даже архиепископ Грёбер из Фрибурга. От этих знатных новобранцев не требовали никаких услуг, но использовали их вступление в рекламных целях. Оно в такой степени способствовало притоку новых членов, что позднее Гиммлер учредил почетные чины СС, присваиваемые известным деятелям.

Эффект от такой политики не замедлил сказаться, особенно в буржуазном обществе: служба в СС вскоре стала рассматриваться как особый шик, а черная форма – как верх мужской элегантности.

В СС толковали приток новых членов как одобрение своих методов, а отсутствие реакции остального мира, к сожалению, способствовало их успехам. Все разоблачения немецких эмигрантов были подобны гласу вопиющего в пустыне; ежедневно совершаемые в Германии преступления уже не могли быть незамеченными, но ни одна «цивилизованная» страна ни на миг не задумалась о том, чтобы порвать с убийцами. Послы продолжали учтиво пожимать руки, обогранные кровью невинных, и давать торжественные обеды в честь палачей. Заключались новые торговые соглашения; Франция пригласила фашистскую Германию участвовать во Всемирной выставке 1937 года; и наконец, увенчанием этого здания трусости явился договор 1939 года, который Советский Союз подписал с теми, кто погубил под пытками тысячи коммунистов, а десятки тысяч бросил в лагерь.

Привлечение известных деятелей производилось в рекламных целях, а вербовка рядовых, напротив, производилась из самых низов общества. Работа, ожидающая их, требовала людей без запросов: покорных тупиц или настоящих садистов.

Источник этой вербовки рисковал быстро опустеть. Нацистам стало понятно, что для обеспечения постоянного притока «подходящих» кадров необходимо воспитывать завтрашних преторианцев с детства. Резервуаром кадров для СС и гестапо стала организация гитлерюгенд. Каждый год 20 апреля, в день рождения фюрера, дети, которым в наступившем году исполнялось десять лет, принимались в организацию юнгфольк. Церемония, объединенная с празднованием дня рождения Гитлера, имела целью поразить их воображение. В этой организации они оставались до тринадцати лет, проводя по одному году в каждой из четырех ее секций, предназначенных для постепенного вступления своих членов в гитлерюгенд, которая уже непосредственно готовила кадры для армии и организаций, примыкающих к партии.

Сначала младшая ветвь СА, гитлерюгенд, стала независимой от национального комитета ассоциаций германской молодежи, а через некоторое время после взятия власти декрет от 22 июня 1933 года предписал этот комитет распустить. Его имущество было конфисковано, а члены влились в гитлерюгенд, куда с 1936 года был обязан вступать каждый ребенок, которому исполнилось тринадцать лет. Таким образом, начиная с десятилетнего возраста юный немец оказывался подверженным постоянному, навязчивому влиянию нацистской пропаганды и идеологии. С этого нежного возраста, когда личность легко поддается формированию, «принцип вождя» укоренялся в юных мозгах как абсолютная догма. Несколько позже начинались обучение и подготовка, которые доводили человеческое существо до состояния тотального подчинения. Такое нелепое «выращивание» человека и его дегуманизация дают единственное объяснение феномену гитлеризма, существованию гестапо и преступлениям, которые по сей день поражают человеческое воображение. Для того чтобы кучка профессиональных убийц смогла воцариться над целым народом и привить ему свои отвратительные методы, ей необходимо было развратить человека с самого детства. Орадур, варшавское гетто, массовые казни на востоке, Освенцим – это не преступления немецкого народа, это преступления нацизма. Можно с уверенностью сказать, что применение этих методов к любому народу привело бы примерно к тем же результатам. Если германский народ оказался, возможно, наиболее податливой «глиной», то причина в том, что традиционная милитаризация общества привила ему более строгие, чем где-либо, навыки дисциплины. Кстати, в большинстве «недисциплинированных» стран это нередко и даже с долей зависти ставилось в пример. Почти всем эсэсовцам, которые сожгли Орадур, в дни взятия власти нацистами было от восьми до четырнадцати лет. Все они были взращены в рамках нацистского воспитания с самого юного возраста, и никто не обсуждал с ними достоинств и недостатков этой системы. Именно в рядах гитлерюгенда в 1933–1940 годах были подготовлены Орадуры⁴ будущей войны.

В одной из речей, произнесенных в ноябре 1933 года, Гитлер объявил о своих намерениях, касающихся германской молодежи: «Когда противник заявляет: «Я не хочу равняться на вас, и вам не удастся меня принудить к этому», я спокойно отвечаю: «Мне уже принадлежит твой ребенок. Народ живет вечно. Кто ты? Ты уйдешь. Но твои потомки уже находятся в новом лагере. Еще немного, и они не будут знать ничего, кроме этого нового общества».

Уже в мае 1933 года под руководством Геббельса было организовано первое аутодафе на университетской площади в Берлине. В предшествующие этому событию недели были «очищены» книжные магазины, публичные библиотеки и университеты. Были изъяты тонны книг, авторы которых были евреями, марксистами или их содержание не соответствовало принципам нацизма. 10 мая студенты–нацисты с песнями доставили на площадь двадцать тысяч экземпляров книг и сложили их в огромную кучу. Здесь было все – от низкопробных порнографиче-

⁴ Орадур-сюр-Глан, поселок во Франции, уничтоженный вместе с жителями в 1944 году немецкими оккупантами.

ских изданий до трудов «выродившихся» философов. Под звуки национального гимна и партийных песен книги облили керосином и подожгли. Геббельс произнес речь. «Сегодняшняя церемония, – сказал он, – является символическим актом. Она покажет миру, что моральные основы республики, созданной в ноябре 1918 года, разрушены окончательно. Из этой кучи пепла возникнет феникс нового духа».

Прошедший отбор молодой немец перед вступлением в СС должен был пройти обязательную стажировку в службе государственной трудовой повинности.

Силы СС подразделялись на три категории: общие силы СС, где служба не была постоянной; части, находившиеся на казарменном положении⁵, и части СС «Мертвая голова», обеспечивавшие охрану концентрационных лагерей.

Общие силы СС представляли материнскую ветвь, куда сначала принимались молодые «кандидаты», желавшие войти в состав эсэсовской элиты. Они получали там первичное обучение, проходили стажировку, принимали присягу, им вручали почетный кинжал.

Члены общих сил СС обязаны были оставаться активными членами СС до пятидесяти лет. Они обязаны были каждый год проходить экзамен с целью проверки их физической формы, уровня военной и политической подготовки.

Чтобы получать определенные посты в государственном управлении или ответственные должности в частном секторе промышленности, членство в СС вскоре стало необходимым условием; оно также требовалось для поступления в высшую школу или университет.

Вот так черный орден, выпестованный Гиммлером, внедрился во все сферы германской жизни, что дало его организатору власть, которая скоро станет безраздельной. Это позволило ему также устранить наиболее опасных врагов.

⁵ До сентября 1939 года эти части насчитывали всего четыре «стандартных» казармы.

Глава 3

Гестапо присутствует везде

Гиммлер перенес часть принципов своего черного ордена на организацию гестапо. В нем была постепенно заведена строгая иерархия СС, а его сотрудники получили соответствующие эсэсовские звания. Разделение функций было усилено соблюдением строжайшей секретности. Соблюдение тайны превратилось в один из фундаментальных принципов дисциплины СС и стало одной из основ, на которых базировалась структура гестапо. Гиммлер сделал из него замкнутый мир, куда никто не мог даже заглянуть, а его критика была категорически запрещена.

С момента создания Герингом гестапо сразу понадобились помещения. Здания на Принц-Альбрехт-штрассе идеально подходили для новой организации по их расположению в городе и планировке. Прежде всего, это был музей фольклора, который быстро расселили и заняли; там также было здание профессиональной промышленной школы, которую изгнали из помещения под предлогом того, что некоторые ее студенты были коммунистами, а в общежитиях происходили «ночные оргии». В освободившихся зданиях разместилось гестапо. В его управлениях воцарился Рейнхард Гейдрих. Поставленный Гиммлером в 1931 году во главе службы безопасности СС, в начале 1933 года он стал его заместителем в должности президента мюнхенской полиции, а в 1934 году, когда его шеф возглавил гестапо, присоединился к нему в Берлине. Гиммлер немедленно поручил ему центральную службу гестапо, и из своего кабинета в Берлине Гейдрих фактически руководил почти всей деятельностью государственной полиции.

Здесь, по укоренившейся у нацистов привычке, можно видеть расщепление функций. В качестве шефа гестапо Гейдрих был государственным служащим, а как начальник СД, то есть партийной инстанции, он являлся важным деятелем нацистской партии и мог использовать в своих интересах отдельные партийные организации. Большинство работавших под его началом людей были подчинены ему дважды: как чиновники и члены нацистской партии. Очень удобная позиция: если у кого-то появлялись угрызения совести по поводу особенно возмутительных безобразий и он пытался сообщить о них органам правосудия, то вступали в дело партийные запреты, куда более действенные по сравнению с административными.

Партия приступила к поглощению государства. Статья 1-я закона от 1 декабря 1933 года недвусмысленно гласила: «Национал-социалистическая партия стала носителем идеи германского государства и неразрывно связана с ним».

Все – государственные чиновники и члены НСДАП – преследовали общую цель, которая воплощалась в осуществлении политических планов партии и фюрера. Они стремились к тому, чтобы пророчество Гитлера построить «тысячелетний рейх» сбылось; надеялись осуществить в отдаленной перспективе переворот основ человеческого общества, утвердить расу господ и колонизировать мир. Партия становилась хранителем священных принципов и инструментом распространения идеологии. Фактически государство стало одной большой партией. Исключение из партии равнялось, в сущности, смертному приговору. Считалось общепринятым, что «исключение из партии является самым тяжелым наказанием. В определенных обстоятельствах оно было равносильно потере всех средств к существованию и утрате положения в обществе». Другую угрозу Гиммлер повесил над головой эсэсовцев: «Кто хотя бы в мыслях нарушит верность фюреру, тот изгоняется из СС; мы будем стремиться, чтобы он исчез и из мира живых».

Пресекать любые дискуссии на предмет нацистских догм, устранять любыми способами не только противников режима, но и тех, кто посмел усомниться в его совершенстве, – такова была задача гестапо. Чтобы ее успешно решить, оно должно быть вездесущим. Гиммлер и

Гейдрих в своем логове должны были знать все. Им понадобится несколько лет, чтобы довести до совершенства структуру организации, но уже с самого начала они ни в чем не испытывали нужды. За годы подпольного существования службы безопасности СС накопили важнейшие архивы. Все противники партии были тщательно внесены в картотеки. Зачастую в их досье содержалась самая полная информация: политическая и профессиональная деятельность, семья и друзья, место жительства и возможные убежища, интимные связи, человеческие слабости и увлечения – все находило там себе место, чтобы в нужный момент использоваться.

Эти архивы и пустило в ход гестапо. Противников режима арестовывали и пытали, убивали без суда и следствия. В Германии об этом знал каждый, но среди тех, кто мог бы подать сигнал тревоги и, возможно, спасти свою страну и весь мир от растущей с каждым днем опасности, ни один министр, ни один генерал – никто так и не осмелился возвысить голос протеста. Гизевиус писал: «Если бы кто-нибудь заглянул в глубину зловещих потемок здания на Принц-Альбрехт-штрассе, можно было бы сорвать все козни Гейдриха». Но ни один взгляд из-за кордона не попытался прорваться через эту удушающую тьму, и Германия, как выразился в Нюрнберге главный американский обвинитель Роберт Джексон, «стала одним обширным застенком».

Само собой, гестапо контролировалось партией. Состоявшее в основном из профессиональных полицейских, которые, несмотря на чистку, проведенную нацистами после взятия власти, остались в большинстве своем от старых времен, гестапо не могло подвергнуться слишком большой перетряске, потому что она могла бы разрушить этот хрупкий механизм. С апреля 1934 года идеологический контроль в гестапо был резко усилен, а новые служащие гестапо должны были непременно принадлежать к членам партии. Точно так же для всякого повышения чиновника по службе требовалось согласие и оценка партии, где на этот предмет велась специальная картотека, по материалам которой давалась политическая характеристика, от которой зависело любое назначение. Специальный циркуляр партийной канцелярии определял ее как «обоснованную оценку политических и идеологических позиций и характера работника... Она должна быть точной и четкой, основываться на бесспорных данных и ориентировать в оценках на цели движения. Для ознакомления с деталями такой характеристики следует обратиться к соответствующим политическим руководителям, техническим службам и службам СД при рейхсфюрере СС». Таким образом, работники гестапо находились под политическим контролем СД, их «близнеца» – аналогичного органа партии, с которым у гестапо установились отношения тесного сотрудничества.

Обе службы, СД и гестапо, поставленные под начало Гейдриха, осуществляли контроль всей общественной жизни, но СД, как партийный организм, базировалась на сборе и использовании информации, тогда как гестапо занималось арестами, допросами, обысками, то есть непосредственной полицейской работой.

Хотя уже в 1934 году гестапо получало информацию от СД, последняя не была для него единственным источником сведений. Организационной основой нацистской партии и государства был так называемый принцип фюрерства – принцип вождя, согласно которому вся власть сосредоточивалась в руках единственного руководителя. Заповеди партии гласили: «Фюрер всегда прав. Программа должна быть для тебя догмой. Она требует, чтобы ты полностью посвятил себя интересам движения... Право – это то, что служит движению, а значит, и Германии». Партия в данном случае отождествлялась, естественно, с родиной. «В основе организации партии лежит идея фюрера. Все политические руководители назначаются фюрером и держат перед ним ответ. Они располагают всей полнотой власти по отношению к нижестоящим ступеням».

Исходя из принципа непогрешимости Адольфа Гитлера, делался вывод о необходимости абсолютного повиновения всем назначенным им руководителям. Уже статья 1-я грубо нарушала неотъемлемые права личности: «Каждый руководитель имеет право распоряжаться, управлять или принимать решения, не подвергаясь никакому контролю».

В жизнь немцев принцип фюрерства внедрялся начиная со школы. За фюрером в иерархической пирамиде следовали рейхслейтеры, числом пятнадцать. Среди этих столпов режима наиболее известными были Гесс, начальник партийной канцелярии, которого в этой должности заменил позднее Борман, руководитель ведомства пропаганды Геббельс, Гиммлер, руководитель Трудового фронта Лей, глава молодежной организации фон Ширах, Розенберг, представлявший фюрера в сфере контроля над интеллектуальной деятельностью и идеологией. Институт имперского управления, рейхслейтунг, в качестве главной задачи занимался подбором руководящих кадров.

С начала 1933 года Германия была разделена на тридцать две гау, то есть административные области. Область делилась на крайсы (районы), которые, в свою очередь, подразделялись на ортсгруппен (местные группы), те – на целлен (ячейки), а ячейки – на блоки. Во главе каждого подразделения стоял соответственно гаулейтер, крайслейтер, ортсгруппенлейтер, целленлейтер и блоклейтер.

Гаулейтер, назначенный непосредственно фюрером, нес полную ответственность за выделенную ему часть суверенитета. Это был носитель верховной власти, как и крайслейтер, ответственный за воспитание, политическое и идеологическое образование политических руководителей, членов партии и всего населения. Ортсгруппенлейтер также считался носителем верховной власти. Он нес ответственность за группу ячеек, включавшую в себя примерно полторы тысячи семей; целленлейтер, имевший под своим началом от четырех до восьми блоков, являлся прямым руководителем блоклейтеров, которым он передавал директивы партии и контролировал их выполнение. Далее шел блоклейтер, представлявший основу партии. Он являлся самым важным человеком в этой цепи и был ответственен за свой блок, то есть за сорок, максимум шестьдесят семейств. Он был единственным чиновником-управленцем, вступавшим в прямой контакт с «каждой единицей» населения. От него требовали знания полной информации о каждом человеке группы, контролируемой им.

Он был обязан выявлять недовольных и разъяснять им неправильно понятые новые законы, а когда этого было недостаточно, прибегать к другим имеющимся в его распоряжении средствам: «Если ошибочное поведение человека наносило вред ему самому, а через него и всей общине, могли быть использованы, кроме совета, более жесткие формы исправления».

Разумеется, требуемое от блоклейтера знание своего участка и соседних с ним имело и другое назначение. «Обязанностью блоклейтера являлось разоблачение распространителей вредоносных слухов и сообщение о них в местную группу, чтобы такие факты могли быть донесены до компетентных органов власти». То есть гестапо. Именно туда стекались результаты массового, «научно организованного» доносительства. Приказ, подписанный Борманом 26 июня 1935 года, уточняет: «Чтобы установить более тесный контакт между партийными службами и их организациями, с одной стороны, и руководством гестапо – с другой, уполномоченный фюрера предлагает, чтобы в будущем шефы гестапо приглашались на все официальные важные мероприятия партии и ее организаций».

Вот так, посредством руководителей ячеек и блоков гестапо располагало десятками тысяч внимательных ушей и глаз, следивших за каждым движением каждого немца.

Американский адвокат Томас Д. Додд сказал об этом в Нюрнберге: «Ни в одной нацистской ячейке или блоке не было ни одного секрета, который был бы им неизвестен. Поворот кнопки на радиоприемнике, неодобрительное выражение лица, нарушаемая тайна исповеди, исконное доверие между отцом и сыном и даже священные откровения супругов – все включалось в сферу их деятельности. Их задачей было знать все». Ничто не должно было ускользать от контроля гестапо.

Но даже тысяч добровольных осведомителей не хватало гестапо. Ведь нужно было следить за людьми, когда они работают, развлекаются, пребывают вне дома; всюду, где оказываются далеко от бдительного ока своих надсмотрщиков – блоклейтеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.